

Дойл А. К.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:

Жрица тугов

**Хирург Гастеровских
болот**

Рассказы

Артур Конан Дойл
Жрица тугов. Хирург
с Гастеровских болот.
Рассказы (сборник)
Серия «Артур Конан Дойл.
Собрание сочинений», книга 18

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33166024

Жрица тугов. Хирург Гастеровских болот. Рассказы: Мир книги,

Литература; М.; 2009

ISBN 978-5-486-02950-9, 978-5-486-03065-9

Аннотация

Артур Конан Дойл (1859–1930) – всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе.

В данный том вошли повести «Жрица тугов» и «Хирург с Гастеровских болот», а также рассказы.

Содержание

Жрица тугов	5
Глава I	5
Глава II	15
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	42
Глава VI	58
Глава VII	72
Хирург с Гастеровских болот	75
Глава I	75
Глава II	84
Глава III	96
Глава IV	110
Рассказы	120
Кожаная воронка	120
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Артур Конан Дойл Жрица тугов. Хирург Гастеровских болот. Рассказы

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

* * *

Жрица тугов

Глава I

Моя жизнь была богата приключениями и необычными событиями. Но среди них есть одно приключение, перед которым бледнеют все остальные.

Оно случилось давно, но произвело на меня такое сильное впечатление, что я не мог забыть о нем долгие годы.

Я не часто рассказывал эту историю; ее слышали от меня лишь немногие мои хорошие знакомые.

Они не раз просили меня рассказать ее целому собранию моих знакомых, но я всегда отказывал им в этой просьбе, потому что меня мало прельщает репутация новейшего Мюнхгаузена.

Я исполнил их просьбу лишь отчасти, изложив на бумаге все те факты, которые относятся к дням моего пребывания в Дункельтвейте.

Вот первое письмо, полученное мной в 1862 году от Джона Терстона.

Его содержание я передаю буквально:

«Мой дорогой Лауренс.

Если бы вы только знали, как одиноко и тоскливо я себя

чувствую, вы, наверное, пожалели бы меня и приехали бы разделить мою отшельническую жизнь.

Вы не раз обещали посетить Дункельтвейт и полюбоваться равнинами Йоркшира. Почему бы вам не сделать этого сейчас? Я знаю, что теперь вы сильно заняты; но лекций сейчас нет, а кабинетной работой вы можете здесь заниматься не хуже, чем на Бейкер-стрит. Итак, будьте тем милым мальчиком, каким вы были всегда, уложите ваши книжки и приезжайте. У нас есть небольшая комнатка, снабженная письменным столом и креслом, – то есть как раз тем, что вам теперь требуется. Итак, дайте мне знать, когда вас можно ждать в наши Палестины.

Говоря об одиночестве, я вовсе не имел в виду, что живу совершенно один. Напротив – население нашего дома довольно даже многочисленно.

Прежде всего, назову моего бедного дядю Иеремию – болтливого маньяка, без конца занимающегося кропанием скверных стихов. Во время нашего последнего свидания я как будто уже упоминал про эту слабость старика. Теперь она дошла у него до того, что он нанял секретаря, в обязанности которого входит записывание и хранение кропаний своего патрона.

Этот субъект, некто Копперторн, стал ему необходим не менее, чем «Всеобщий словарь рифм». Не скажу, чтобы этот Копперторн очень меня беспокоил, но я всегда разделял предубеждение Цезаря против художавых людей, хотя, если

верить дошедшим до нас медалям, сам Юлий принадлежал к их числу.

Далее, у нас живут еще двое детей дяди Сэмюэля, усыновленных Иеремией, – их было трое, но один умер, – и их гувернантка, красавица-брюнетка с долей индусской крови в жилах.

Кроме них у нас есть трое слуг и старик-грум.

Группа, как видите, выходит не маленькая.

Но это не мешает мне, дорогой Гуго, умирать от желания увидеть симпатичное лицо и получить приятного сердцу собеседника.

Я сильно увлекаюсь теперь химией и потому не буду мешать вам в ваших занятиях. Отвечайте же скорее.

Ваш одинокий друг Джон Терстон».

Во время получения этого письма я жил в Лондоне и усердно работал, готовясь к выпускным экзаменам на диплом доктора медицины.

Мы с Терстоном были закадычными друзьями в Кембридже, – это было еще до моих занятий медициной; поэтому мне очень хотелось с ним повидаться. Но, с другой стороны, я опасался, как бы это посещение не отвлекло меня от работы.

Я вспомнил старика, впавшего в детство, худого, как щепка, секретаря, красавицу-гувернантку, детей – конечно, избалованных и шумных, – и решил, что мои занятия наверное пострадают, как только я попаду в такое общество, да еще

на лоне природы.

После двухдневных размышлений и колебаний я уж совсем было решился отклонить приглашение, но на третий день я получил второе письмо, еще настойчивее первого:

«Мы ждем от вас известий с каждой почтой, – писал мне мой друг. – При каждом стуке в дверь я так и жду, что мне подадут телеграмму, указывающую поезд, с которым вы приедете.

Ваша комната совсем готова; я надеюсь, что вы найдете ее удобной. Дядя Иеремия просит меня упомянуть, что он будет очень рад познакомиться с вами.

Он написал бы вам сам, но, к сожалению, по горло занят сочинением большой поэмы тысяч в пять стихов или около того. Он целые дни проводит в беготне из комнаты в комнату; по пятам за ним следует Копперторн с записной книжкой и карандашом в руках; он моментально записывает все вещи слова, что срываются с уст его патрона.

Кстати, я как будто упоминал уже про нашу гувернантку. Она может послужить отличной приманкой, чтобы заполнить вас к нам, – в том, конечно, случае, если вы еще не утратили былого интереса к вопросам этнологии.

Она – дочь вождя индусов, женившегося на англичанке. Он был убит во время восстания сипаев, сражаясь в рядах мятежников; его дочь, которой тогда было около четырнадцати лет, осталась почти без всяких средств к жизни, так

как его имущества были конфискованы правительством. Какой-то добрый немецкий коммерсант из Калькутты усыновил ее и отправил в Европу вместе с собственной дочерью. Последняя умерла, и тогда мисс Воррендер – мы зовем ее так по девической фамилии ее матери – ответила на объявление, помещенное в газетах моим дядей, и стала гувернанткой его племянников.

Итак, не ждите новых приглашений, а приезжайте».

В этом втором письме были отрывки, не позволяющие мне привести его здесь целиком.

Я не мог долее противостоять настойчивости моего старшего приятеля. Ругаясь в душе, я тем не менее поспешил уложить книги, телеграфировал Джону в тот же вечер, а на следующее утро уже отправился в путь.

Я отлично помню это путешествие: оно было ужасно и тянулось бесконечно; я сидел в углу вагона на сквозняке, занимаясь обдумыванием и повторением отрывков из медицинских и хирургических сочинений.

Я был предупрежден, что ближайшей станцией от места моего назначения была станция Ингльтон, лежащая в пятнадцати милях от Тарнфорта. Я высадился на ней на платформу в тот самый момент, когда Джон Терстон крупной рысью подкатил к крыльцу станционного здания на высоком догкарте.

Увидев меня, он торжествующе взмахнул кнутом, осадил

лошадь и выскочил из экипажа.

– Дорогой Гуго! – вскричал он. – Я в восторге! Как это мило с вашей стороны!

И он сдал мне руку, да так, что у меня затрещали кости.

– Боюсь, что вы найдете меня не очень-то приятным компаньоном, – возразил я. – Я занят теперь по горло.

– О, само собой, само собой! – с обычным добродушием воскликнул он. – Я уж учел это, но думаю, у нас все-таки найдется время подстрелить пару-другую зайцев. Но путь нам предстоит неблизкий, вы как будто основательно зазябли, поэтому не будем мешкать и тронемся поскорее в путь-дорогу.

И вот мы покатали по пыльной дороге.

– По-моему, ваша комната должна понравиться вам, – заметил мой приятель. – Вы живо почувствуете себя точно у себя дома. Я, к слову сказать, очень редко живу в Дункельтвейте: я только-только успел устроиться здесь и наладить лабораторию. Я живу здесь всего третью неделю. Всем и каждому известно, что мое имя играет довольно важную роль в завещании моего дяди Иеремии. Кроме того, и отец мой всегда находил, что мой долг – приезжать сюда из вежливости. Поэтому мне и приходится наведываться сюда.

– Понимаю, – сказал я.

– Кроме того, это очень милый старик. Вас весьма заинтересует наш дом. Принцесса на ампула гувернантки – штука редкая, не правда ли? Мне почему-то сдается, что эта штука

заинтересовала даже и нашего невозмутимого секретаря... Но поднимите-ка воротник пальто: эти холодные ветры – чистая язва наших мест.

Дорога шла среди небольших холмов, лишенных всякой растительности, кроме редких кустиков ежевики и низкорослой жесткой травы, покрывавшей небольшую лужайку, на которой паслось стадо исхудавших от недоедания баранов.

Мы поднимались и опускались с холма на холм по дороге, белой ниточкой уходившей вдаль.

Там и сям однообразие пейзажа нарушалось зубчатыми массивами серого гранита, – эти места выглядели точно раны на теле с выступающими из них изуродованными костями.

Вдали виднелась горная гряда с высившеюся над ней уединенной вершиной: она была окутана гирляндой облаков, озаренной пурпурным отблеском заката.

– Это Ингльборо, – промолвил мой спутник, указывая бичом на вершину, – а вот и равнины Йоркшира. Во всей Англии это самые пустынные и дикие места. Но они рожают отличных людей. Неопытная милиция, вдребезги разбившая в день Штандарта шотландское рыцарство, состояла из уроженцев именно этой части страны. А теперь, старина, вылезайте и открывайте дверь.

Перед нами была поросшая мохом стена, тянувшаяся параллельно дороге, с железными полуразрушенными воротами, снабженными двумя столбами, которые были украше-

ны высеченными из камня изображениями, вероятно, какого-нибудь геральдического животного; говорю «вероятно», потому что ветер и дождь сильно попортили камень. Сбоку высился разрушенный временем коттедж, в былые дни служивший, вероятно, жилищем для привратника.

Я открыл двери, и мы вступили в длинную темную аллею, поросшую длинной густой травой, обсаженную с обеих сторон роскошным дубняком, ветки которого, сплетаясь над нашими головами, образовали живой свод такой густоты, что сумерки дня превратились в этой аллее в полную тьму.

– Боюсь, что наша аллея не очень-то понравится вам, – смеясь, сказал Терстон. – Но у моего старика есть мания: давать полную волю природе. А вот и Дункельтвейт.

При этой фразе моего приятеля мы обогнули поворот аллеи, отмеченный огромнейшим дубом, высившимся над прочими, и очутились перед огромным квадратной формы зданием. Весь низ здания был в тени, но верхний ряд окон сверкал кровавым отблеском заката.

Навстречу нам выбежал слуга в ливрее, поспешивший взять лошадь под уздцы, как только экипаж остановился.

– Можете отвести ее в конюшню, Илья, – произнес мой приятель, когда мы вышли из экипажа. – Гуго, позвольте мне представить вас моему дяде Иеремии.

– Как поживаете? Как поживаете? – раздался чей-то дрожащий надтреснутый голос.

Подняв глаза, я увидел человека небольшого роста с крас-

ным лицом, поджидавшего нас на пороге, с куском материи, обмотанным вокруг головы, как на портретах Иопа и других знаменитостей XVIII столетия.

Ноги его были обуты в пару огромнейших туфель. Эти туфли были так неподходящи к его худым, как спички, ногам, что ему приходилось волочить ноги, чтобы не растерять при ходьбе свою чудовищную обувь.

– Вы, должно быть, страшно устали, сэра, да и промерзли тоже, – странным, отрывистым тоном промолвил он, пожимая мне руку. – Мы должны показать вам всю мощь нашего гостеприимства, ей-ей должны, сэра. Это гостеприимство – одна из добродетелей былых дней, которая еще хранится нами в наш практический век. Не угодно ли выслушать:

Руки йоркширцев крепки и сильны,
Но – как жарки йоркширцев сердца!

Это факт, смею вас уверить, дорогой сэра. Эти стихи из одной моей поэмы. А какой именно, мистер Копперторн?

– Из «Преследования Борроделы», – произнес чей-то голос за спиной старика, и при свете тусклой лампы, висевшей в прихожей, выступила высокая фигура мужчины с длинным лицом.

Джон представил нас друг другу.

Во время последовавшего за сим рукопожатия рука молодого секретаря показалась мне какой-то липкой и неприят-

ной.

Мой приятель проводил меня в мою комнату через целую сеть коридоров и переходов, соединявшихся между собой по старинной моде лестницами. Но пути я обратил внимание на толщину стен и на неравномерную высоту комнат, заставлявшую предполагать существование тайников.

Моя комната, как и писал Джон, оказалась восхитительным уютным уголком с камином и этажеркой, уставленной книгами. Когда я снял сапоги и надел туфли, я искренне поздравил себя с тем, что согласился принять это приглашение посетить Йоркшир.

Глава II

Когда мы спустились в столовую, там уже все были в сборе. Старик Иеремия сидел во главе стола, имея по правую руку молодую даму, жгучую брюнетку, с черными глазами и волосами, которую отрекомендовал мне под именем мисс Воррендер. Рядом с ней сидели мальчик и девочка, очевидно, ее ученики.

Меня посадили против нее и по правую руку от Копперторна. Джон сел *vis-a-vis* с дядей.

Я и сейчас помню желтоватый свет лампы, обливавший *a la Rembrandt* лица застольной компании, – те самые лица, которым впоследствии было суждено так сильно возбудить мое любопытство.

Это был очень приятный обед, помимо превосходной кухни и хорошего аппетита, разыгравшегося у меня во время путешествия. Дядя Иеремия, обрадовавшись свежему слушателю, так и сыпал анекдотами и цитатами. Мисс Воррендер и Копперторн говорили мало; но немногие фразы, произнесенные последним, обнаружили в нем вдумчивого и воспитанного человека. Что же касается Джона, то у нас с ним было столько общих воспоминаний и по колледжу, и позднейшего периода, что я, право, боюсь, что он не воздал обеду всего того, что тот заслуживал.

Когда подали десерт, мисс Воррендер увела детей. Дядя

Иеремия удалился в библиотеку, в которой скоро раздался его голос, диктовавший что-то секретарю.

Мы с моим старым приятелем остались еще посидеть у камина, перебирая разные события, происшедшие с каждым из нас со дня нашей последней встречи.

– Ну, а что вы скажете насчет нашего дома? – улыбаясь, спросил он.

Я ответил, что меня очень заинтересовало все виденное.

– Ваш дядя – большой оригинал. Он очень понравился мне.

– Да, несмотря на все его странности, сердце у него отличное. Ваш приезд совсем переродил его. Со дня смерти маленькой Этель он никак не мог прийти в себя. Эта девочка – самая младшая из ребят дяди Сэма. Она приехала сюда вместе с прочими. Около двух месяцев тому назад с ней случился нервный припадок в лесу. Ее нашли там вечером уже окоченевшей. Это было страшным ударом для старика.

– И для мисс Воррендер тоже, я думаю, – заметил я.

– Да, эта смерть очень поразила ее. Она поступила к нам всего за неделю до рокового дня, в который она уезжала в экипаже в Киркби Лонсдэль для каких-то закупок.

– Меня очень заинтересовало все, что вы писали о ней, конечно, серьезно, а не в шутку, надеюсь?

– Нет, нет, все это святая истина. Ее отца звали Ахмет Кенгхис-Кханом. Он был полунезависимым вождем какого-то города центральных провинций. Несмотря на брак с

англичанкой, это был ярый фанатик-язычник. Он подружился с Нана-Саибом и принимал такое видное участие в Кунпурской резне, что правительство обошлось с ним очень строго.

– Во время расставания со своим племенем она должна была быть уже взрослой, – заметил я. – А каковы ее воззрения насчет религии? В кого она пошла по этому пути – в отца или в мать?

– Мы никогда не поднимаем этого вопроса; между нами говоря, я отнюдь не считаю ее слишком религиозной женщиной. Ее мать была, без сомнения, очень достойной женщиной. Помимо английского языка, она недурно знает французскую литературу и замечательно играет на рояле. Да вот, прислушайтесь-ка.

В соседней комнате раздались звуки фортепиано; мы смолкли и стали слушать. Сначала пианистка взяла несколько отдельных нот, точно колеблясь, играть или не играть. Потом пошли глухие неуверенные аккорды, и вдруг из этого хаоса звуков полилась могучая странная дикая мелодия, в которой слышался рев труб и бряцание кимвалов.

Мелодия ширилась, росла, перешла в серебристую трель и кончилась тем же самым диссонансом, каким она началась.

Затем щелкнула крышка рояля, и все стихло.

– Она занимается этим каждый вечер, – заметил мой приятель. – Какое-нибудь воспоминание об Индии, должно быть. Не правда ли, красиво? Но ради бога, не стесняйтесь,

милый Гуго. Ваша комната вполне готова; я отнюдь не хочу мешать вашим занятиям.

Я поймал Джона на слове и оставил его в обществе дяди и Копперторна, возвратившихся к тому времени в столовую. Я поднялся наверх и в течение двух часов прилежно штудировал врачебные узаконения.

Я думал было, что уж больше не увижу в этот день никого из обитателей Дункельтвейта, но я ошибся. Около десяти часов вечера в дверь моей комнаты просунулась рыжеватая голова дяди Иеремии.

– Удобно ли устроились? – спросил он.

– Как нельзя лучше, спасибо.

– Желаю успеха. Главное, не падать духом, – своей отрывистой скороговоркой произнес он. – Покойной ночи.

– Покойной ночи, – ответил я.

– Покойной ночи, – повторил чей-то голос из коридора.

Я выглянул за порог и увидел высокий силуэт секретаря, черной огромной тенью скользивший за стариком.

Я вернулся назад и занимался еще час, а затем лег спать; но перед тем, чтобы заснуть, еще долго размышлял о странном доме, членом которого я становился с этого дня.

Глава III

На следующий день я встал рано и отправился на лужайку перед домом, где застал мисс Воррендер, собиравшую подснежники для букета к завтраку.

Я подошел к ней, незамеченный ею, и не мог не полюбоваться ее красотой и гибкостью, с какой она наклонялась, чтобы сорвать цветок. В каждом малейшем ее движении была чисто кошачья грация, какой я ранее не видал еще ни у одной женщины. Я вспомнил слова Терстона о впечатлении, произведенном будто бы ею на секретаря. Теперь я уже не удивлялся этому.

Услыхав мои шаги, она выпрямилась и повернула ко мне свое прелестное смуглое лицо.

– С добрым утром, мисс Воррендер, – начал я. – Вы кажется, такая же любительница рано вставать, как и я?

– Да. Я всегда встаю рано на рассвете.

– Какая дикая картина! – заметил я, бросая взгляд на огромную площадь равнин. – Я в этих местах чужак не хуже вас. А как вы их находите?

– Я не люблю их, – откровенно призналась она. – Даже ненавижу. Холод, мрак, бедность красок... Посмотрите-ка (она подняла букет), они называют это цветами! У них даже запаха нет.

– Да, вы привыкли к более жгучему климату и к тропиче-

ской растительности.

– О, да я вижу, что мистер Терстон уж рассказывал вам обо мне, – с улыбкой заметила девушка. – Да, я привыкла любоваться кое-чем получше.

В этот момент между нами легла какая-то тень. Обернувшись назад, я увидел Копперторна. Он с натянутой улыбкой подал мне свою худую белую руку.

– Вы как будто уж научились сами находить дорогу в наших местах, – произнес он, переводя глаза с моего лица на лицо мисс Воррендер и обратно. – Позвольте предложить вам эти цветы, мисс.

– Нет, благодарствуйте, – холодно отклонила она. – Я набрала их уже достаточно и пойду в комнаты.

Она быстро прошла мимо него к дому.

Копперторн смотрел ей вслед, сдвинув брови.

– Вы студент-медик, мистер Лауренс, – сказал он, обращаясь ко мне и нервно притопывая ногой.

– Совершенно верно.

– О, мы кое-что слышали про вас, студентов-медиков, – повышая голос, с усмешкой продолжал он. – Ваш брат – страшнейший ловелас, не правда ли? Мы слышали, что про вас говорят. С вами положительно трудно тягаться.

– Сэр, – возразил я, – студент-медик обыкновенно бывает и джентльменом.

– Совершенно верно, – сказал он, сразу меняя тон. – Я хотел только пошутить.

Несмотря на это заверение, я не мог не заметить, что за завтраком он не спускал с меня глаз в то время, как говорила мисс Воррендер, тотчас же переводя их на последнюю, как только я произносил слово.

Можно было подумать, что он старается прочесть на наших лицах, что именно мы думаем друг о друге. Он, видимо, был безумно увлечен красавицей-гувернанткой, но, очевидно, без малейшей надежды на взаимность.

Это утро дало нам самое что ни на есть очевидное доказательство беспримерной наивности добрых йоркширцев. Дело в том, что горничная и кухарка, спавшие вместе в одной комнате, были встревожены ночью чем-то, что было принято их суеверными головами за привидение.

После завтрака я сидел в обществе дяди Иеремии, так и сыпавшего с помощью своего суфлера цитатами из разных поэм; в дверь вдруг постучали, и в комнату вошла горничная. За нею следовала кухарка, особа дородная, но трусливая. Входя к нам, они взаимно ободряли друг друга.

Свой рассказ они вели, точно греческий хор, – то есть каждая говорила, покуда хватало дыхания, предоставляя затем слово товарке. Хорошая доля их истории осталась мне непонятной в силу дьявольского местного наречия; но самую суть я все-таки разобрал.

На рассвете кухарка, по ее словам, почувствовала, будто кто-то трогает ее за лицо. Проснувшись, она увидела около своей кровати какую-то тень, бесшумно выскользнувшую из

комнаты. Горничная проснулась от крика кухарки и тоже видела привидение.

Как мы ни бились, как ни уговаривали их, они стояли на своем и требовали расчета – так они были перепуганы ночным происшествием. Наш скептицизм очень оскорбил их, и в конце концов они вышли из комнаты с большим шумом, сильно обозлившим дядю Иеремию, очень развеселившим меня и вызвавшим презрительную улыбку на губах Копперторна.

Большую часть второго дня я провел у себя в комнате за усердными занятиями.

Вечером этого дня мы охотились с Джоном на зайцев. На пути домой я рассказал ему утреннюю сцену с прислугой, но он посмотрел на нее отнюдь не так легко, как я.

– Это факт, – заметил он, – что в старинных зданиях вроде нашего можно иногда наблюдать явления, располагающие к суеверию. За то время, что я живу здесь, я слышал ночью раз или два нечто такое, что способно испугать нервного человека, а тем более невежественную прислугу. Само собой, все эти истории о привидениях – сушья чепуха, но раз разыгралась фантазия, с ней уж трудно совладать.

– А что вы такое слышали? – сильно заинтересовавшись, спросил я.

– О, пустое! Но вон сидят ребяташки и мисс Воррендер. Ей не следует слушать такие вещи. Не то она тоже потребует себе расчета, а это будет большой потерей для дома.

Мисс сидела на скамейке у опушки леса; дети сидели по обе стороны ее, держа ее за руки и с жадным вниманием глядя ей в лицо.

Картина была очень красивая. Мы остановились на минутку, чтобы полюбоваться ею. Но мисс уж услышала наши шаги и пошла нам навстречу; дети шли за ней.

– Я нуждаюсь в вашем авторитете, – сказала она Джону. – Эти шалунишки любят вечернюю прохладу и ни за что не хотят идти в комнаты.

– Не хочу в комнаты, – решительным тоном заявил мальчуган. – Хочу дослушать сказку.

– Да, сказку, – подхватила девочка.

– Вы дослушаете ее завтра, если будете послушны. Мистер Лауренс – доктор. Он скажет вам, что маленьким девочкам и маленьким мальчикам вредно оставаться на воздухе после вечерней росы.

– Значит, вам рассказывали сказку? – спросил Джон, когда мы все тронулись к дому.

– Да, и очень-очень хорошую сказку! – восторженно вскричал мальчуган. – Дядя Иеремия тоже рассказывал нам сказки; но то была поэзия, и его сказки сравнить нельзя со сказками мисс Воррендер. У ней есть одна, в которой являются слоны.

– И тигры, и золото, – перебила девочка.

– Да, и там ведут войну и дерутся, и король сигар...

– Сипаев, друг мой, – поправила гувернантка.

– А еще есть там рассеянные племена, узнающие друг друга посредством сигналов; и человек, убитый в лесу. О, она знает великолепные сказки. Попросите – она и вам расскажет сказку, кузен Джон.

– А в самом деле, мисс Воррендер, – сказал мой товарищ, – вы возбудили наше любопытство. Что, если бы вы и нам рассказали про эти чудеса?

– О, мои сказки покажутся вам глупостью, – смеясь, возразила она. – Это только воспоминания из моего прошлого.

В это время нам навстречу показался Копперторн.

– А я искал вас всех! – делано веселым тоном вскричал он. – Время обедать.

– Это мы и без вас могли узнать по часам, – возразил Джон немного резким, как мне показалось, тоном.

– А, вы охотились вместе, я вижу, – продолжал секретарь.

– Не вместе, – возразил я. – Мы повстречали мисс Воррендер с детьми на обратном пути.

– О! Мисс Воррендер пошла вам навстречу, когда вы уходили.

Ехидство тона, каким были произнесены эти слова, возмутило меня, и я воздержался от резкого отпора лишь ввиду присутствия дамы.

Посмотрев случайно на гувернантку, я заметил злобный огонек в ее глазах, обращенных на секретаря, и заключил отсюда, что она разделяет мое негодование. Отсюда нетрудно понять мое изумление, когда около десяти часов вечера того

же дня я увидел их обоих прогуливающимися по саду при лунном свете и поглощенными оживленной беседой.

Право, не знаю почему, только это зрелище так взволновало меня, что после нескольких тщетных попыток взяться за занятия я отложил книги в сторону.

Около одиннадцати часов я снова выглянул в окно, но их уж не было. Через несколько минут я услышал шарканье дяди Иереми и твердую тяжелую походку его секретаря, поднимавшихся по лестнице в свои комнаты, расположенные в верхнем этаже дома.

Глава IV

Джон Терстон никогда не отличался особой наблюдательностью, и я уверен, что за три дня пребывания под кровлей его дяди я узнал о жизни дома больше, чем он за три недели.

Мой приятель был всецело поглощен химией и целые дни проводил за опытами и реакциями, радуясь симпатичному собеседнику, с которым можно потолковать о своих открытиях. Что касается меня, я всегда питал слабость к изучению и анализу человеческой натуры, и я находил много интересного в этом маленьком мире, жить в котором закинула меня судьба.

Говоря короче, я с таким рвением отдался наблюдениям, что начал серьезно опасаться за успешность моих научных занятий.

Первым моим открытием было то, что истинным хозяином Дункельтвейта был не дядя Иеремия, а секретарь дяди Иеремии.

Профессиональное чутье говорило мне, что страсть старика к поэзии, бывшая вполне безвредной в дни его молодости, превратилась теперь в манию, овладевшую его мозгом и не оставлявшую в нем места никакой посторонней идее.

Копперторн, потакая этой мании и направляя ее согласно своим выгодам, добился того, что во всех других отношениях приобрел над стариком неограниченную власть. Он со-

вершенно бесконтрольно распоряжался всеми финансовыми и хозяйственными делами своего принципала.

Надо отдать ему справедливость – у него хватило такта проявлять свою власть мягко и деликатно, не оскорбляя своего раба-хозяина: поэтому он не встречал со стороны последнего никакого сопротивления.

Мой друг, вечно занятый анализами и реакциями, не отдавал себе отчета в том, что давным-давно стал в доме совершенно нулем.

Выше я уже выражал убеждение в том, что если Копперторн и испытывал нежные чувства к гувернантке, то эта последняя и не думала отвечать ему взаимностью. Но через несколько дней я пришел к заключению, что между этими двумя личностями, кроме нежных и не находящих взаимности чувств Копперторна, должна была существовать еще какая-то иная связь.

Я не раз видел, как Копперторн обращался с гувернанткой манером, который нельзя назвать иначе, как повелительным. Раза два-три я снова видел их гуляющими по саду поздно вечером и поглощенными оживленной беседой.

Я никак не мог угадать, что именно могло их связывать. Эта тайна дразнила мое любопытство.

Легкость, с какой люди влюбляются на лоне природы, вошла в поговорку; но я никогда не отличался особенной сентиментальностью и потому относился к мисс Воррендер совершенно бесстрастно. Я принялся изучать ее, как естество-

испытатель изучает какое-либо редкое насекомое, – старательно, но хладнокровно. Для этой цели я так распределил мои занятия, чтобы быть свободным в те часы, когда она выходит с детьми на прогулку. Таким образом, мне много раз пришлось гулять с ней, и во время этих прогулок мне удалось близко познакомиться с ее характером, чего я не достиг бы никаким иным способом.

Она в самом деле много читала, отлично знала несколько языков и имела большие природные способности к музыке.

Но под этим культурным налетом в ней хранилась большая доля природной дикости.

В разговоре у нее подчас проскальзывали словечки, заставлявшие меня вздрагивать.

Впрочем, этому нельзя было слишком удивляться: она рассталась со своим племенем, уже будучи взрослой женщиной.

Припоминаю одно обстоятельство, которое особенно поразило меня. Тут чрезвычайно резко сказалась дикость ее натуры.

Мы шли по проселочной дороге. Мы говорили о Германии, в которой она провела несколько месяцев, как вдруг она остановилась как вкопанная и приложила палец к губам.

– Дайте мне на минутку вашу палку, – понизив голос, обратилась она ко мне.

Я подал ей палку, и она тотчас же, к великому моему удивлению, пролезла в отверстие в заборе и присела. Я все еще

удивленно смотрел ей вслед, как вдруг перед нею выскочил из травы заяц. Она швырнула в него палкой и попала; тем не менее зайцу удалось улизнуть, хотя и прихрамывая на одну ногу.

Она вернулась ко мне, вся запыхавшись, но с торжествующим выражением на лице.

– Я видела, как он шевелится в траве. Я попала в него!

– Да, и сломали ему ногу, – холодно добавил я.

– Вы сделали ему больно! – со слезами в голосе вскричал мальчуган.

– Ах, бедный зверек! – в один момент переменив тон, вскричала мисс. – Я, право, в отчаянии, что ранила его!..

Она в самом деле как будто сильно сконфузилась и всю остальную прогулку больше молчала.

Я со своей стороны не мог слишком строго судить ее. Эта сцена была, очевидно, просто-напросто вспышкой старинного инстинкта, который заставляет дикаря бросаться на добычу; тем не менее эта вспышка производила крайне неприятное впечатление в Англии, когда автором ее являлась прелестная, по последней моде одетая дама.

В один прекрасный день, когда ее не было дома, Джон Терстон показал мне ее комнату. В ней было много индусских вещей, доказывавших, что она покинула родину не с пустыми руками. Присущий Востоку вкус к ярким цветам тоже наложил свой отпечаток на эту девичью комнату. Она купила на ярмарке целую кипу синей и красной бумаги и за-

весила ею стены своей комнаты, скрыв под нею скромные обои.

Эта попытка воссоздать Восток в скромном английском жилище имела в себе что-то трогательное.

В первые дни моего пребывания в Дункельтвейте странные отношения, существовавшие между секретарем и мисс Воррендер, возбудили во мне только любопытство; но потом, когда я заинтересовался красавицей-англоиндианкой, мною овладело другое, более глубокое чувство.

Я тщетно ломал себе голову, чтобы разгадать соединяющую их связь. Почему она гуляет с ним по ночам по саду, днем как нельзя очевиднее показывая, что ей противно его общество?

Очень возможно, что дневное отвращение было просто-напросто уловкой, рассчитанной на то, чтобы скрыть истинное отношение к нему. Но такое допущение противоречило прямоте ее взгляда и откровенному выражению резких черт ее гордого лица.

А в то же время – как объяснить иначе эту необъяснимую власть над нею секретаря! Эта власть проскальзывала в массе разных мелочей, но проявлял он ее так скрытно и осторожно, что ее можно было заметить лишь при очень тщательном наблюдении.

Однажды я поймал его на таком повелительном, таком грозном взгляде, устремленном на лицо девушки, что минутой спустя едва мог поверить, чтобы это бледное бесстрастное

лицо способно было на такие взгляды. В те минуты, когда он смотрел так, она сгибалась и дрожала, точно от физической боли.

«Нет, нет! – думал я. – Тут замешана не любовь, а страх».

Я так заинтересовался этим вопросом, что заговорил о нем с Джоном. Он в это время находился в своей небольшой лаборатории и был поглощен рядом опытов по добыванию какого-то газа, заставившего нас обоих раскашляться. Я воспользовался этим обстоятельством, заставившим нас выйти на свежий воздух, чтобы заговорить об интересовавшем меня вопросе.

– Сколько времени, вы говорите, мисс Воррендер находится в доме вашего дяди?

Джон бросил на меня ехидный взгляд и пригрозил своим обожженным кислотой пальцем.

– Вы что-то очень интересуетесь дочерью покойного и незабвенного Ахмет Кенгхис-Кхана, – сказал он.

– Само собой, – откровенно признался я. – Я впервые встречаюсь с человеком такого романтического типа.

– Будьте осторожны, душенька, – назидательно пробурчал Джон. – Заниматься перед экзаменами таким делом отнюдь не годится.

– Не болтайте глупостей, – возразил я. – Если бы кто-нибудь услышал вас, он, наверное, вообразил бы, что я влюблен в мисс Воррендер. Нет, нет! Я смотрю на нее как на любопытную психологическую проблему, но и только.

– Вот, вот, и больше ничего. Только проблема.

Джон, должно быть, еще не очухался от своего одуряющего газа. Его тон становился положительно невозможен.

– Вернемся-ка лучше к моему первому вопросу, – сказал я. – Итак, сколько времени она живет здесь?

– Около десяти недель.

– А Копперторн?

– Больше двух лет.

– А не были они знакомы раньше?

– О нет, это вещь совершенно невозможная, – категорически заявил Джон. – Она приехала из Германии. Я сам читал письмо старого коммерсанта, в котором он описывал ее прошлую жизнь. Копперторн же все время безвыездно жил в Йоркшире, кроме двух лет, проведенных им в Кембриджском университете. Ему пришлось покинуть университет при каких-то не особенно-то лестных для него обстоятельствах.

– А именно?

– Не знаю. Дело сохранили в тайне. Мне кажется, дядя Иеремия знает, в чем тут соль. У него есть страсть отыскивать разное отребье и ставить его на ноги. Он наверняка когда-нибудь нарвется с каким-нибудь субъектом подобного сорта.

– Итак Копперторн и мисс Воррендер всего несколько недель назад были совсем чужими друг другу?

– Совершенно. А теперь, я думаю, мне пора взяться снова

за мои реторты.

– Плюньте вы на них! – вскричал я, удерживая его за руку. – У меня есть еще кое о чем поговорить с вами. Если они знакомы всего несколько недель, как он мог приобрести над ней такую власть?

Джон посмотрел на меня, разинув рот.

– Власть?

– Ну да, влияние, которое он имеет на нее.

– Милый Гуго, – серьезно начал мой приятель, – у меня нет привычки цитировать Евангелие, но теперь мне сам просится на язык один текст, а именно: «Слишком много знания сделало их безумными». Вы слишком много занимались последние дни.

– Вы, значит, хотите сказать, что никогда не замечали тайных отношений, существующих между гувернанткой и секретарем вашего дяди? – вскричал я.

– Хватите-ка бромистого калия, – сказал Джон. – Это сильно успокаивает, особенно если взять дозу в двадцать граммов.

– Обзаведитесь очками. Вам, право, не мешает обзавестись ими.

Метнув эту парфянскую стрелу, я повернулся и пошел прочь, чувствуя себя сильно раздосадованным.

Не прошел я и двадцати шагов, как увидел парочку, о которой только что говорил с моим приятелем.

Она стояла, прислонившись к солнечным часам; он стоял

против нее. Он что-то горячо толковал ей, делая по временам резкие жесты. Склонившись над нею длинным телом, он походил, со своими жестами длинных рук, на огромную летучую мышь, взвившуюся над жертвой.

Я помню, что мне сразу же пришло в голову это сравнение, еще более утвердившееся, когда я увидел ужас и испуг, просвечивавшие в каждой черточке ее прелестного лица.

Эта картинка служила такой прелестной иллюстрацией к упомянутому выше тексту, что мне страшно захотелось вернуться в лабораторию и заставить Джона неверующего полюбоваться ею.

Но я не успел привести моего намерения в исполнение, потому что был замечен Копперторном. Он повернулся и начал удаляться от меня по направлению к лесу; мисс пошла за ним, сбивая на ходу зонтиком придорожные цветы.

Я вернулся к себе, решив взяться за занятия. Но как я ни заставлял себя, мой ум никак не хотел сосредоточиться на книгах: он все время обращался к тайне.

Джон сообщил мне, что прошлое Копперторна не лишено пятен; несмотря на это, ему удалось приобрести огромное влияние на своего патрона. Я объяснял себе это тем тактом и искусством, с какими он потакал и поощрял поэтическую манию принцепала. Но как объяснить не менее очевидное влияние этого человека на гувернантку? У нее нет никакой слабости, которой можно было бы потакать.

Эта связь была бы вполне понятна, если допустить, что

они взаимно влюблены друг в друга; но инстинкт светского человека и опыт наблюдателя человеческой природы говорили мне, что тут нет места любовному увлечению. А если не любовь, то тут мог быть только страх, – и все виденное мной подтверждало этот вывод. Что же именно могло произойти здесь за эти два месяца, что вселило в надменную черноглазую принцессу такой панический ужас перед этим англичанином с бледным лицом, мягким голосом и вкрадчивыми манерами?

За разрешение вот этой-то задачи я и принялся, да с такой энергией, с таким усердием, что забыл совсем про свои научные занятия и про страх перед грядущим экзаменом.

Я попробовал заговорить об этом с самой мисс Воррендер, когда застал ее одну в библиотеке (дети были отправлены в гости к детям одного соседа-сквайра).

– Вы, должно быть, чувствуете себя очень одинокой здесь в дни, когда нет гостей, – начал я. – По-моему, в этих местах слишком мало развлечений.

– О, для меня очень приятно общество детей, – возразила она. – Но я все-таки буду очень сожалеть, когда уедет отсюда мистер Терстон или вы.

– Я тоже буду в отчаянии в день отъезда. Я никак не ожидал, что мне понравится здесь. Но наш отъезд не лишит вас общества: мистер Копперторн всегда будет с вами.

– О да, это совершенно верно, – как-то уныло согласилась она.

– Это очень милый, любезный и образованный господин, – спокойно продолжал я. – Недаром к нему так привязался мистер Терстон-старший.

Говоря так, я внимательно наблюдал за своей собеседницей.

На ее щеках проступила легкая краска, а пальцы нервно барабанили по ручке кресла.

– Его манеры немного чересчур сдержанны, но...

Тут она прервала меня и сказала, злобно сверкнув своими черными глазами:

– К чему вы начали этот разговор?

– Прошу прощения, – смиренно ответил я. – Я не знал, что он не понравится вам.

– Я имени его не желаю слышать! – гневно вскричала она. – Это имя я ненавижу. Если бы подле меня был кто-нибудь, кто любил бы меня, – любил бы так, как любят там, за далеким морем, – я бы знала, что сказать такому человеку!

– А именно? – спросил я, пораженный этим неожиданным взрывом.

Она наклонилась ко мне так близко, что я почувствовал у себя на лице ее горячее лихорадочное дыхание.

– «Убейте Копперторна», – прошептала она, – вот что я сказала бы. «Убейте его, а потом приходите говорить мне о своей любви».

Я не нахожу слов, чтобы передать всю силу и ярость, которые она вложила в эти слова. Лицо ее приняло такое бе-

шеное выражение, что я невольно сделал шаг назад.

Неужели эта змея есть та самая красавица, которая держит себя с таким достоинством и спокойствием за столом дяди Иеремии?

Я, правда, надеялся при помощи моих хорошо рассчитанных вопросов заставить ее обнаружить свой характер, но никак не ожидал вызвать такой взрыв. Она, видимо, заметила на моем лице выражение испуга и удивления и моментально изменила тон, разразившись нервным смехом.

– Вы, конечно, сочтете меня сумасшедшей, – поспешила сказать она. – Да, да, во мне сказывается мое индусское воспитание. В Индии всегда и во всем не признают половинчатости – в любви и в ненависти одинаково.

«Убейте Копперторна», – прошептала она...

– За что же вы ненавидите мистера Копперторна? – спросил я.

– Собственно говоря, – ответила она, смягчая голос, – слово «ненависть» будет чересчур сильно; скажем лучше «отвращение». Этот господин из таких людей, к которым чувствуешь беспричинное отвращение.

Она, видимо, жалела, что дала себе увлечься, и пробовала

теперь пойти на попятный.

Видя, что она хочет переменить разговор, я помог ей в этом. Я сделал какое-то замечание о сборнике индусских гравюр, которые она рассматривала перед разговором. У дяди Иеремии была великолепная библиотека, особенно богатая изданиями подобного рода.

– Эти гравюры не отличаются точностью, – сказала она, поворачивая страницу. – Но эта вот недурна, – продолжала она, указывая на одну из них, изображавшую вождя, одетого в нечто вроде юбки, с ярким тюрбаном на голове, – очень недурна. Именно так одевался мой отец, когда садился на своего белоснежного боевого коня, чтобы вести воинов Дуба в бой против Ферингов. Они предпочитали моего отца всем другим, потому что знали, что Ахмет Кенгхис-Кхан не только великий полководец, но и великий жрец. Народ хотел иметь вождем только испытанного «борка» и никого другого. Теперь он умер, а все, кто следовал за его знаменем, либо рассеяны, либо погибли в боях, между тем как я, его дочь, живу простой наемницей в чужой далекой стране.

– О, когда-нибудь вы, наверное, вернетесь в свою родную Индию, – сказал я, стараясь хоть чем-нибудь утешить ее.

Несколько минут она рассеянно переворачивала страницы. Затем она вдруг испустила легкий радостный крик.

– Посмотрите-ка! – вскричала она. – Вот один из наших изгнанников. Это один из Бюттотти. Он изображен очень похоже.

Гравюра эта изображала туземца с не особенно симпатичной физиономией; в одной руке он держал небольшой инструмент – нечто вроде кирки в миниатюре, а в другой – квадратный кусок пестрой материи.

– Этот платок – это его «гоомал», – пояснила мисс Воррендер. – Само собой, они не показываются с ним в публичных местах. Равным образом он не возьмет с собой и священного топорика, но во всех других отношениях он изображен вполне точно. Я много раз путешествовала с этими людьми в безлунные ночи, с «люгхами» впереди, когда иностранцы не придавали никакого значения громким «пильхау», раздававшимся повсюду. О, такой жизнью стоило пожить!

– Но что такое значит «гоомал», и «люгхи», и прочее? – спросил я.

– О, это наши индусские слова, – смеясь, пояснила она. – Вы не поймете их.

– Но под этой гравюрой стоит подпись: «Представитель племени Дакка». А я всегда считал Дакков за воров.

– О да, англичане все считают их такими, – согласилась она. – Конечно, Дакки – воры, но ворами считают многих, которые и не думали быть ими. Этот человек – святой человек; это, по всей вероятности, один из «гуру».

Возможно, что она дала бы мне еще много пояснений насчет нравов и обычаев Индии, так как очень любила поговорить обо всем, касающемся этой страны, но тут я вдруг заметил, что лицо ее изменилось. Она пристально посмотрела

на окно, к которому я стоял спиной. Я обернулся и увидел в окне, на уровне подоконника, лицо секретаря.

Признаюсь откровенно, я не мог не вздрогнуть: эта голова с присущей ей мертвенной бледностью лица выглядела так, точно лежала на подоконнике отрубленной.

Копперторн открыл окно, как только увидел, что его заметили.

– Я в отчаянии, что должен беспокоить вас, – просовывая голову в комнату, сказал он, – но неужели, мисс Воррендер, вы находите приятным сидеть в душной комнате в такую чудную погоду? Не угодно ли вам пройтись по саду?

Несмотря на вежливость слов, они были произнесены секретарем таким сухим, почти угрожающим тоном, что походили скорее на приказание, чем на просьбу.

Гувернантка поднялась с места и, не сказав ни слова, вышла взять шляпку. Это было новым доказательством власти, которой пользовался над ней Копперторн.

Когда он взглянул на меня, на его тонких бескровных губах заиграла нестерпимо насмешливая улыбка. Он как будто вызывал меня этим новым проявлением своего могущества. Он выглядел настоящим демоном в адском ореоле, которым освещали его сзади лучи заходящего солнца.

Он смотрел на меня так несколько мгновений, с дьявольским ехидством на лице. Наконец я услышал его тяжелые шаги, направлявшиеся по дорожке к дверям дома.

Глава V

В течение нескольких дней, следовавших после разговора, во время которого мисс Воррендер призналась мне в своей ненависти к секретарю, все шло отлично в Дункельтвейте.

У меня было с ней несколько продолжительных бесед во время прогулок по лесу с детьми, но мне так и не удалось добиться от нее сколько-нибудь удовлетворительного объяснения ее гневного припадка в библиотеке. Она не сказала мне больше ни одного слова, которое могло бы пролить свет на интересовавшую меня проблему.

Как только я делал какое-нибудь замечание в этом направлении, она отвечала мне в высшей степени сдержанно либо вдруг вспоминала, что детям пора идти домой, так что в конце концов я совсем отчаялся узнать что-нибудь от нее самой.

Мои занятия все это время шли крайне нерегулярно.

Иногда ко мне в комнату заходил со свертком бумаг под мышкой дядя Иеремия и услаждал мне слух чтением отрывков из своей большой эпической поэмы.

Когда я чувствовал потребность в обществе, я заходил в лабораторию к Джону; он поступал таким же образом в те моменты, когда и его давило одиночество.

Иногда я разнообразил свои занятия тем, что забирал книги в лес и занимался там целый день напролет. Коппер-

торна я старательно избегал. Он тоже как будто не очень-то дорожил моим знакомством.

Однажды, в первой половине июня, Джон подошел ко мне с телеграммой в руке и с выражением досады на лице.

– Поздравьте меня, – с кислой миной сказал он. – Отец телеграфирует мне немедленно же отправляться в Лондон. Должно быть, что-нибудь юридическое. Он давно уж грозился взяться за приведение в порядок своих дел. Теперь у него, как видно, внезапный припадок энергии, и он хочет покончить с этим делом.

– И долго вы пробудете в Лондоне? – спросил я.

– Неделю, а то и две. Очень неприятная штука. Я как раз рассчитывал, что мне удастся разложить этот алкалоид...

– Ну, он подождет вашего возвращения, – смеясь, возразил я. – Не беспокойтесь, без вас никто не разложит.

– Но мне еще неприятнее покинуть вас. Мне кажется негостеприимным зазвать в эту пустыню приятеля и, зазвав, бросить его тут в полном одиночестве.

– О, ради этого вам нечего беспокоиться, – возразил я. – У меня слишком много дела, чтобы скучать. Кроме того, я нашел здесь развлечения, на какие и не рассчитывал вначале. Эти полтора месяца промелькнули для меня так быстро, как никогда.

– Еще бы! Могу себе представить! – ехидно подхватил Джон.

Он, видно, все еще был убежден в том, что я до безумия

влюблен в красавицу-гувернантку.

Он уехал в тот же день с утренним поездом, обещав писать и сообщить свой лондонский адрес, так как не знал еще, в каком отеле остановится его отец. Я еще и понятия не имел о всех последствиях, которые будет иметь эта пустячная деталь, и не подозревал, чему суждено здесь произойти, прежде чем я вновь увижусь с моим приятелем.

В данный момент я отнюдь не печалился его отъездом, потому что думал, что с его отъездом мы – четверо остающихся – более сблизимся друг с другом, что, конечно, будет способствовать разъяснению той проблемы, которая все больше и больше интересовывала меня.

Приблизительно в четверти мили пути от Дункельтвейта помещалась небольшая деревушка, имевшая одну длинную улицу и состоявшая из двух-трех десятков коттеджей с черепичными крышами, церкви, до самой колокольни обвитой плющом, и неизбежного трактира.

В день отъезда Джона мисс Воррендер собралась с детьми на почту; я навязался проводить их. Копперторн, само собой, с наслаждением расстроил бы нам эту прогулку или сам отправился бы с нами вместе, но на наше счастье дядя Иеремия был в этот день в поэтическом ударе и не мог обойтись без услуг своего секретаря.

Это была чудная прогулка; дорога шла в тени деревьев, на которых слышалось беззаботное щебетанье птичек. Мы шли не спеша, болтая о разных разностях. Дети бежали впереди.

Чтобы дойти до почты, нам надо было миновать трактир, о котором упоминалось выше.

Идя по деревенской улице, мы увидали впереди небольшое сбирище людей, столпившихся как раз против этого заведения. Оно состояло из дюжины ребятишек обоого пола, в грязных рубашонках и юбках, нескольких простоволосых женщин и двух-трех мужчин, по-видимому вышедших из трактира. Эта мирная деревня давно, вероятно, не помнила на своей улице такого многочисленного сбирища.

Мы еще не разобрали, что именно возбуждало такое любопытство, но дети пустились во всю мочь вперед и скоро вернулись со свежими новостями.

– О, мисс Воррендер! – запыхавшись, вскричал Джонни. – Там стоит черный человек, совсем точно из ваших сказок.

– Цыган, должно быть, – предположил я.

– Нет, нет, – решительно запротестовал Джонни. – Он еще чернее, чем цыган. Правда, Мэй?

– О да, – подтвердила девочка.

– По-моему, нам следует пойти и посмотреть самим, – предложил я.

Говоря это, я взглянул на мою спутницу и был поражен ее бледностью и лихорадочным блеском глаз.

– Вам дурно?

– Нет, нет! – возразила она, ускоряя шаги. – Идемте, идемте!

Когда мы дошли до трактира, нашим глазам представи-

лось поистине странное зрелище. Мне сразу же пришло на память описание малайца – потребителя опиума, встреченного де Куинси на одной шотландской ферме. В центре группы простых йоркширских крестьян стоял человек с Востока гигантского роста, с изящным, гибким и грациозным телом, его полотняная одежда была покрыта пылью, а коричневые ноги обуты в грубые башмаки. Он, видимо, пришел издалека и долго шел пешком. В руке он держал длинную палку, на которую опирался, устремив свои черные задумчивые глаза в пространство, не обращая внимания на окружающую его толпу.

Его яркий костюм и цветной тюрбан, покрывавший смуглую голову, производили странный и резкий контраст с прозаической обстановкой захудалой английской деревушки.

– Бедный мальчик! – взволнованным задышающимся голосом произнесла мисс Воррендер. – Он устал. И наверное, голоден и не может объяснить окружающим, чего ему нужно. Сейчас я поговорю с ним.

И она обратилась к индусу на его родном языке.

Я никогда в жизни не забуду эффекта, какой произвели эти несколько слов. Не говоря ни слова, чужестранец склонился всем телом на пыльную дорогу и буквально распростерся ниц перед моей спутницей.

Мне часто приходилось видеть в книгах способы, которыми на Востоке выказывают почтительность к высшим, но я никогда не воображал, чтобы кто бы то ни было мог прийти до

такой степени самоунижения, на какую указывала поза этого человека.

Мисс Воррендер продолжала свою речь резким, повелительным тоном.

Он тотчас же поднялся на ноги и стоял, сложив руки на груди и опустив глаза в землю, точно раб в присутствии господина. Кучка зрителей, по всей вероятности считавшая это неожиданное преклонение прелюдией к какому-нибудь фокус-покусу или к серии акробатических упражнений, была очень заинтересована чужестранцем.

– Не будете ли вы добры проводить детей до почты и опустить письма? – спросила меня гувернантка. – Мне очень бы хотелось поговорить с этим господином.

Я исполнил ее просьбу.

Когда я вернулся несколько минут спустя, их беседа была еще не окончена. Индус, видимо, рассказывал свои приключения или пояснял мотивы, побудившие его на это путешествие. У него дрожали при этом пальцы и сверкали глаза.

Мисс Воррендер внимательно слушала его, издавая по временам легкие восклицания и делая жесты, показывая ими, до какой степени она интересуется деталями рассказа этого человека.

– Вы должны извинить меня, что я так непростительно долго задержала вас под солнцем, – обратилась она наконец ко мне. – Нам надо теперь идти, а то мы опоздаем к обеду.

Тут она произнесла несколько повелительных фраз свое-

му черному собеседнику, и мы тронулись в обратный путь.

– Итак, – начал я, движимый вполне понятным любопытством, когда мы отошли настолько, чтобы не быть услышанными зрителями. – Кто и что он такое?

– Он родом из центральных провинций, из страны Махраттов. Он из наших. Я была положительно вне себя, встретив его в такой неожиданной обстановке. Я чувствую себя теперь страшно взволнованной.

– Но вам, должно быть, весьма приятна эта встреча.

– О, очень.

– А почему ему пришло в голову пасть перед вами ниц?

– Потому что он знал, что я дочь Ахмет Кенгхис-Кхана, – гордо произнесла она.

– А как он попал сюда?

– Это длинная история, – небрежно отозвалась она. – Он ведет бродячую жизнь... Какая темень в этой аллее! Ветви деревьев образуют здесь настоящий живой потолок. Человеку, забравшемуся на такое дерево, легче легкого прыгнуть на спину проходящего внизу. Он почувствует ваше присутствие не раньше, чем ваши пальцы вопьются ему в горло.

– Какой ужас! – вскричал я.

– Темные места всегда вызывают во мне черные мысли, – весело засмеялась девушка. – Кстати, у меня есть к вам просьба, мистер Лауренс.

– В чем дело? – осведомился я.

– Не говорите дома, пожалуйста, ни слова о встрече с мо-

им бедным соотечественником. Его, чего доброго, примут за бродягу и вора и прикажут выгнать из деревни.

– Я уверен, что мистер Терстон не способен будет на такую жестокость по отношению к нему.

– Да, но на нее способен мистер Копперторн.

– Як вашим услугам, но дети... они, наверное, проболтаются.

– Не думаю.

Право, не знаю, как ей удалось справиться с этими болтливыми язычками, но только они не проронили о чужестранце ни звука.

У меня были кое-какие подозрения, что это дитя тропиков явилось сюда не случайно, а для выполнения какой-то особой миссии. На следующее утро я имел весьма убедительное доказательство тому, что он все еще проживает в деревне: идя по аллее, я встретил мисс Воррендер; в руках у нее была корзина с хлебом и мясом. У нее вошло в привычку относить остатки от обеда разным деревенским старухам.

Я предложил проводить ее до деревни.

– Чья сегодня очередь? – спросил я. – Старой Венобл или Тейльфорт?

– Ни той, ни другой, – улыбаясь, возразила она. – Мне придется сделать вам одно небольшое признание, мистер Лауренс. Вы всегда были мне другом, и я знаю, что могу на вас положиться. Я повешу корзинку вот на этот сук, а он ее опорожнит.

– Он, значит, находится еще здесь?

– Да.

– А вы уверены, что он найдет корзинку?

– О, на этот счет на него можно положиться. Вы, конечно, не находите ничего предосудительного в том, что я оказываю ему кое-какую помощь? Вы сами поступили бы точно таким же образом, если бы жили среди индусов и вдруг встретили бы среди них англичанина. Но мне хотелось бы посмотреть на цветы.

Мы вошли в оранжерею.

На обратном пути корзинка все еще висела на суку, но была уже пуста. Она, смеясь, сняла ее с дерева и отнесла домой.

Я полагал, что после этой встречи со своим сородичем она стала веселее и спокойнее. Быть может, это было только плодом моей фантазии, но мне казалось, что и в присутствии Копперторна она чувствовала себя спокойнее, чем прежде, с меньшим страхом выносила его взгляд и меньше поддавалась его воле.

А теперь я должен приступить к той части моего рассказа, в которой мне придется описать, каким образом довелось мне проникнуть в тайну отношений, существующих между двумя странными личностями, и каким путем я узнал страшную правду о мисс Воррендер – или принцессе Ахмет Кенгхис; ее, собственно говоря, следовало бы называть этим последним именем, так как она походила больше на этого воинственного и неукротимого фанатика, чем на свою мягкую

деликатную мать-англичанку.

Это открытие было для меня страшным ударом, которого я не забуду никогда в жизни.

Очень может быть, что ввиду моей манеры вести рассказ – выделяя факты мало-мальски значительные и опуская такие, которые не имеют отношения к главной мысли, – очень может быть, что читатели уже угадали составленный гувернанткой план. Что касается меня лично, я должен торжественно признаться, что до самой последней минуты не имел ни малейшего представления об истине.

Я ровно ничего не знал о женщине, которой дружески пожимал руку и голос которой очаровал мой слух. Но я и по сей день твердо уверен, что она была искренне расположена ко мне и ни за что не причинила бы мне зла сознательно.

Вот как произошло это страшное открытие.

Я как будто уже упоминал, что в лесу, окружавшем Дункельтвейт, у меня было облюбовано уютное местечко для занятий на лоне природы. Однажды вечером, часов этак в десять, подымаясь в свою комнату, я вспомнил, что забыл в этом местечке один трактат по гинекологии; рассчитывая поработать еще часик-другой перед отходом ко сну, я решил пойти и отыскать книгу.

Дядя Иеремия и прислуга уже спали.

Поэтому я по возможности бесшумно спустился вниз и потихоньку повернул во входной двери ключ. Перейдя лужайку, я направился к лесу, чтобы взять книгу и немедленно

вернуться домой.

Не успел я войти в лес, как услышал голоса гувернантки и секретаря. По направлению, откуда они доносились, я понял, что они сидят в моем местечке и говорят, не подозревая, что их слушает третье лицо.

Я всегда находил подслушивание низким делом – все равно при каких обстоятельствах, и уже собирался кашлянуть или каким-нибудь другим образом обнаружить свое присутствие, как вдруг услышал несколько слов, произнесенных Копперторном, которые изменили мое первоначальное намерение и вместе с тем заставили содрогнуться от ужаса.

– Все подумают, что он умер от апоплексического удара.

Я ясно слышал эти слова, произнесенные резким голосом секретаря в тихом воздухе июньской ночи.

Я затаил дыхание и замер на месте, весь превратившись в слух. Теперь я и не думал о том, чтобы обнаружить свое присутствие. Какое преступление замышляют в эту роскошную летнюю ночь эти два так не похожие друг на друга преступника?

Я услышал низкий нежный голос мисс Воррендер, но она говорила так быстро и так тихо, что я не мог разобрать ни слова.

Интонация ее голоса не оставляла сомнения в том, что она находится в страшном, смертельном волнении.

Я подкрался на цыпочках ближе, стараясь не упустить ни слова. Луны еще не было, и потому под деревьями царила

кромешная тьма. Я имел все шансы быть незамеченным.

– Ели его хлеб, скажите пожалуйста! – иронически произнес секретарь. – Вы не всегда бывали так щепетильны, хотя бы в тот раз, когда дело шло о маленькой Этель.

– Я сходила тогда с ума! Сходила с ума! – разбитым голосом вскричала красавица. – Я часто молилась Будде и великой Бовани, и мне казалось, что если я, одинокая женщина, буду и в этой стране неверных поступать согласно заветам моего отца, то совершу великий и славный подвиг. Наша религия допускает в свои тайны лишь очень немногих женщин, и я удостоилась этой чести лишь благодаря редкой случайности. Но раз ступив на открывшуюся передо мной дорогу, я шла по ней неуклонно и бесстрашно, и на четырнадцатом году моей жизни великий Гуру Рамдин Синг объявил меня достойной занять место на ковре Трепуне наравне с прочими Бюттотти. Да – клянусь священным топориком, – я много страдала в этом случае, потому что... что худого сделала эта несчастная, принесенная мной в жертву крошка?

– Мне почему-то сдается, что ваше раскаяние вызвано больше тем, что я изловил вас в этом, чем моральной стороной дела, – насмешливо прервал гувернантку Копперторн. – У меня и раньше были на ваш счет кой-какие подозрения, но вполне увериться в том, что я имею дело с принцессой тугов, мне пришлось лишь после того, как я застал вас за упражнениями с платком. И такая романтическая особа окончит на самой прозаической английской виселице! Недурно, право,

недурно!..

– И с тех пор вы пользовались вашим открытием для того, чтобы убивать все, что было во мне живого, – с горечью продолжала она. – Вы превратили мою жизнь в сплошной ад.

– Ад! – изменившимся голосом повторил он. – Вы знаете чувства, испытываемые мною к вам. Если я иногда и командовал вами угрозой огласки, то только потому, что находил вас слишком нечувствительной к голосу моей любви.

– Любви! – с горечью в голосе вскричала она. – Как можно любить человека, который то и дело грозит вам позорной казнью? Но вернемся к предмету нашего разговора. Вы обещаете мне полную свободу, если я устрою для вас это дело?

– Да, – был ответ Копперторна. – Вы получите возможность уехать отсюда, когда это дело будет сделано, как только вам заблагорассудится уехать.

– Вы клянетесь в этом?

– Да, клянусь.

– Ради того, чтобы получить свободу, я сделаю все, что угодно! – вскричала она.

– Нам никогда не представится такого удобного случая, как теперь, – продолжал Копперторн. – Молодой Терстон уехал, а его друг крепко спит. Вдобавок он слишком глуп, чтобы подозревать что-нибудь. Завещание написано в мою пользу; когда старик умрет, мне будет принадлежать все – до последней травки, до последней песчинки.

– Почему же вы не сделаете этого сами? – спросила его

собеседница.

– Ну, эти дела совсем не в моем вкусе, – возразил он. – Кроме того, я не набил себе руку в обращении с этим платком – «гоомалем», как вы его называете. А от него не остается никаких следов. В этом вся выгода этого приспособления.

– Какая гадость: убить своего благодетеля!

– Зато какой святой подвиг – сослужить службу Бовани, богине убийства! Я достаточно знаком с вашей религией, чтобы понять это. Если бы ваш отец находился здесь, решил бы он на это дело?

– Мой отец был величайшим «Борка» всего Джюбльтура, – гордо отрезала гувернантка. – Он погубил в своей жизни людей больше, чем считается дней в году.

– Я охотно заплатил бы тысячу фунтов, чтобы не повстречаться с ним, – смеясь, заметил Копперторн. – Но что сказал бы теперь Ахмет Кенгхис-Кхан, если бы увидел, что его дочь колеблется – воспользоваться ли ей или не воспользоваться таким удобным случаем сослужить службу богине? До сих пор вы действовали безукоризненно. Он, наверное, улыбался, видя, как душа маленькой Этель полетела к этой вашей божественной ведьме. Я думаю, что это было даже не первым вашим убийством. Возьмем, например, дочку этого немца-коммерсанта... Эге! Я вижу по вашему лицу, что я снова прав. И вот, после стольких подвигов, вы колеблетесь теперь, когда нет никакой опасности и когда дело представляется легче легкого! Кроме того, совершив этот поступок, вы

освобождаетесь от необходимости жить здесь; а эта жизнь, наверное, дается вам несладко, ввиду того, что вы все время, так сказать, чувствуете петлю на шее. Итак, если вы беретесь сделать это дело, делайте его немедленно. Старик в любой момент может уничтожить завещание, потому что любит племянника; а кроме того, он страшно непостоянен.

Настало долгое молчание, во время которого мне казалось, что я слышу биение собственного сердца.

– Когда это дело должно быть сделано? – спросила наконец мисс Воррендер.

– А если завтра вечером?

– Каким образом я проберусь к нему?

– Я оставлю дверь открытой, – сказал Копперторн. – У него тяжелый сон. Затем я оставлю в его комнате ночник, при свете которого вам нетрудно будет ориентироваться.

– А потом?

– А потом вы вернетесь к себе. Утром люди найдут, что наш старик умер во время сна. Затем они найдут, что все свое имущество он оставил своему верному секретарю – в виде благодарности за усердный труд. Так как в услугах мисс Воррендер не будет уже никакой надобности, она получит возможность вернуться на свою дорогую родину или в любую другую страну по собственному ее выбору. Если ей это будет угодно, она может захватить с собой и мистера Лауренса.

– Вы оскорбляете меня, – злобно прервала оратора пре-

лестная мисс.

Помолчав, она прибавила:

– Нам будет необходимо свидеться завтра перед тем, как я приступлю к делу.

– Зачем это?

– Потому что мне, пожалуй, понадобятся кое-какие дополнительные указания.

– Ладно. Значит, тут же, в полночь.

– Нет, только не здесь; это слишком близко к дому. Мы встретимся под большим дубом в начале аллеи.

– Где угодно, только помните одно: я отнюдь не намерен присутствовать в его комнате во время вашей операции.

– Этого для меня и не требуется, – презрительно уронила она. – Ну, а теперь довольно. Мы переговорили обо всем, что нужно.

Они пошли прочь, и, хотя еще продолжали разговор, я не стал слушать дальше. Я быстро-быстро перебежал лужайку и добрался до двери, которую запер за собой на ключ.

Только войдя к себе и бросившись в кресло, – только тут оказался я в состоянии привести в порядок мои мысли и обдумать страшный разговор, который только что слышал во тьме ночи. Большую часть этой ночи я провел без сна, вдумываясь в каждое слышанное мной слово и стараясь составить себе план действий на будущее.

Глава VI

Туги! Я уже кое-что слышал об этих яростных фанатиках – жителях Центральной Индии, извращенная религия которых считает убийство ближнего драгоценнейшим приношением, какое только может принести Создателю смертный.

Я припоминаю отрывок из сочинений полковника Мидоус-Тейлора, в котором идет речь о тайнах тугов, об их организации, об их непоколебимом фанатизме и о страшном роковом влиянии, которое их кровавая мания производит на прочие их нравственные и умственные способности. Я припомнил даже, что «roomal», слово, часто встречавшееся в этой книге, должно было обозначать священный платок, которым они обыкновенно производили свою дьявольскую работу.

Во время разлуки с ними мисс Воррендер была уже женщиной, и потому нет ничего удивительного в том, что искусственной культуре не удалось вытравить из нее, дочери главного вождя тугов, плоды первоначального ее воспитания и помешать фанатизму выказать себя в удобную минуту. Именно в период такого взрыва этого фанатизма она, по всей вероятности, и задушила своим страшным платком маленькую Этель, уготовив предварительно себе алиби; когда же Копперторну удалось раскрыть ее тайну, это дало ему в руки страшное оружие, которым он мог подбить ее отныне

на что угодно, — ради личных своих выгод, само собой разумеется.

В этих племенах из всех смертных казней позорнейшей считается смертная казнь через повешение; зная, что по законам Англии она подлежит за такое преступление именно этой казни, она, очевидно, поняла необходимость подчиниться требованиям секретаря.

Что касается Копперторна, то, когда я обдумал то, что он наделал и что намерен сделать вперед, я почувствовал к этому человеку ужас. Так вот каким путем решил он отплатить старику за все благодеяния последнего! Вырвав у него подпись, обеспечивавшую ему все состояние старика, хитроумный секретарь решил обезопасить себя от удовольствия получить сонаследника, что легко могло произойти ввиду симпатий старика к племяннику.

Все это было само по себе страшной подлостью; но верхом подлости была идея отправить на тот свет дядю Иеремию не своей собственной трусливой рукой, а воспользовавшись страшными религиозными суевериями этой несчастной, да таким еще способом, чтобы отстранить от истинного виновника преступления всякое подозрение.

Я решил, что как бы ни кончилось дело, секретарю не удастся избежать справедливого возмездия.

Но что мне нужно для этого предпринять?

Если бы я знал лондонский адрес моего приятеля, я послал бы ему рано утром телеграмму, и он успел бы приехать

в Дункельтвейт к вечеру. Но Джон, к сожалению, очень не любил переписки, и мы до сих пор не имели о нем никаких известий, несмотря на то что с его отъезда прошло уже несколько дней.

У нас в доме были три служанки, но ни одного мужчины, если не считать старика Илью; среди соседей у меня не было ни одного знакомого, на которого я мог бы положиться. Впрочем, это было не так уж важно: я знал, что сумею справиться с секретарем, и был уверен, что моего единоличного вмешательства будет вполне достаточно, чтобы расстроить весь замысел. Вопрос состоял в том, какие мне лучше всего принять меры. Сначала мне пришло в голову – спокойно дожидаться утра, а затем, никому ничего не говоря, отправить Илью в ближайший полицейский участок с просьбой прислать двух констеблей, передать в их руки Копперторна и его соучастницу и рассказать все, что я узнал об их замысле.

Однако, поразмыслив и обсудив этот план действий, в конце концов я нашел его совершенно непрактичным. Дело в том, что у меня нет против них никаких улик, кроме чисто голословного утверждения их преступности. Само собой, это утверждение покажется им абсурдом.

Кроме того, я вперед угадывал, с каким невозможным видом полной невинности и каким уверенным тоном Копперторн отклонит обвинение, свалив его на недоброжелательство, которое я питаю к нему и к его соучастнице за их взаимную любовь; я отлично понимал, как легко ему удастся

уверить третье лицо, что я сам сочинил всю эту историю для того, чтобы подгадить ему – своему сопернику по амурной части, и как трудно будет мне доказать, что эта личность с внешностью духовной особы и молодая, одетая по последней моде женщина суть не что иное, как два хищника, вылетевшие на охоту. Я чувствовал, что совершу большую ошибку, выдав себя прежде, чем буду держать дичь в руках.

Другой план состоял в том, чтобы ничего никому не говорить, а предоставить делу идти своим ходом, держась в то же время наготове, чтобы вмешаться, как только улики станут более или менее вескими. Этот план как нельзя более соответствовал моей страсти к приключениям, а также должен был как будто привести к наилучшим результатам.

Улегшись на рассвете в постель, я решил молчать и помешать осуществлению кровавого плана заговорщиков своими собственными силами.

На другой день после завтрака дядя Иеремия пришел в очень оживленное настроение и во что бы то ни стало захотел прочесть вслух «Ченчи» Шелли – произведение, всегда приводившее его в восторг. Копперторн сидел около него, по обыкновению молчаливый, невозмутимый, непроницаемый, за исключением тех случаев, когда он издавал восклицания удивления и восторга. Мисс Воррендер была погружена в свои мысли; раз или два мне показалось, будто на ее черных глазах мелькнула слезинка.

Я испытывал какое-то странное ощущение, наблюдая за

этими тремя личностями и раздумывая над их взаимными отношениями. Я искренно сочувствовал маленькому краснолицему старичку-хозяину, с его странной прической и старомодными манерами, и давал про себя слово, что приложу все усилия, чтобы спасти его от злодеев.

День этот тянулся невыразимо долго. Заниматься я был не в состоянии и убивал время, слоняясь по саду и по комнате. Копперторн сидел наверху с дядей Иеремией, и я мало видел его в этот день.

Раза два-три я повстречался во время шатаний по саду с гувернанткой, выходящей в сад с детьми; я каждый раз спешил удалиться и избежать разговора с нею. Я чувствовал, что не смогу во время разговора скрыть внушаемый мне ею несказанный ужас и не показать, что мне известны события минувшей ночи. Она, видно, заметила, что я избегаю ее: встретившись с ней глазами за завтраком, я заметил в ее глазах огонек удивления и злобы. Я поспешил отвести глаза в сторону.

Днем почтальон принес мне письмо Джона, в котором тот извещал меня, в каком отеле он остановился. Но теперь было поздно: он все равно не поспел бы сюда к вечеру. Тем не менее я счел своим долгом послать ему телеграмму с извещением, что его присутствие крайне необходимо в Дункельтвейте. Ради этого мне пришлось сделать длинную прогулку на станционный вокзал, зато это путешествие помогло мне убить время; я почувствовал большое облегчение, ко-

гда услышал треск аппарата, показавший, что моя телеграмма отправилась в путь. На обратном пути я встретил на повороте в аллею старика Илью, находившегося в очень гневном настроении.

– Про мышей говорят, что одна приводит за собой целую кучу других, – обратился он ко мне, сняв шляпу. – То же самое можно как будто сказать и про этих черномазых. – Он всегда неприязненно относился к гувернантке – за ее «нахальную физиономию», как он выражался.

– А что случилось? – спросил я.

– Да тут все бродит кругом дома какая-то черномазая собака. Я заметил его в кустах и предложил ему проваливать подобру-поздорову, откровенно высказав свое мнение о всей их братии. Уж не насчет ли куриц он метит? Или думает запалить дом и потом перерезать всех нас в кроватях? Знаете что, мистер Лауренс? Я сейчас схожу в деревню и наведу о нем кое-какие справки.

И он ушел, продолжая ворчать в усы.

Проходя всю эту длинную аллею, я много думал о рассказанном инциденте. Индус, очевидно, все еще бродит в этих местах. А я совсем и думать о нем забыл во время обсуждения своих планов. А что, если его соотечественница вздумает взять его своим соучастником? Тогда я окажусь перед тремя противниками и, чего доброго, не сумею выйти победителем.

Впрочем, это предположение было маловероятно, ввиду

тех мер, которые она принимала, чтобы Копперторн ничего не знал про прибытие индуса.

Одну минуту у меня была идея – взять в поверенные Илью; но потом я рассудил, что человек таких лет будет скорее помехой, чем помощью.

Около семи часов вечера, подымаясь к себе, я встретил на лестнице Копперторна; он спросил меня, не могу ли я сказать ему, где мисс Воррендер.

Я ответил, что не видал ее.

– Странно, что ее никто не видал после обеда. Дети тоже ничего не знают, а мне нужно кое-что сказать ей по секрету.

Он проговорил эти слова без всякого волнения. Меня исчезновение мисс Воррендер отнюдь не удивило. Она наверное сидела теперь где-нибудь в лесу, обдумывая страшное дело, которое она взялась привести в исполнение.

Я вошел в мою комнату и взял книгу, но от волнения совершенно не мог читать. Мой план кампании был уже выработан: я решил отправиться на место их свидания, оттуда последовать за ними и вмешаться в самый последний момент. Для этого я обзавелся толстой суковатой палкой, которая обеспечит мне полное господство над моими противниками. Я, кроме того, успел убедиться в том, что у Копперторна не водится огнестрельного оружия. Во всей моей жизни не запомню я ни одного дня, когда время тянулось для меня так долго, как в этот памятный вечер, проведенный мной в верхнем этаже Дункельтвейта-Ингльтона. Часы в столовой глухо

пробили восемь часов, потом девять, потом – после долгого, нескончаемо долгого промежутка – десять. Тут я вскочил с кресла и принялся шагать назад и вперед по комнате; мне казалось, что время совсем остановилось; я ждал назначенного часа со страхом и нетерпением, как это всегда бывает с человеком, когда он стоит лицом к лицу с серьезным испытанием.

Наконец, в тиши ночи раздался серебристый удар – первый из долгожданных одиннадцати ударов.

Я немедленно надел войлочные туфли, взял палку и бесшумно выскользнул из комнаты на лестницу. В верхнем этаже слышалось шумное храпение хозяина дома. Я пробрался в полной тьме до выходной двери, открыл ее и очутился под чудным звездным небом. Мне следовало быть крайне осторожным; полная луна светила очень ярко, – было почти так же светло, как и днем.

Я прошел под прикрытием тени, отбрасываемой домом, до садового забора, перелез через него и очутился в лесу, в том самом месте, где был накануне вечером. Затем я пошел дальше, стараясь ступать по возможности бесшумно. Наконец я дошел до такого места, откуда отлично был виден через кусты дуб, высившийся на повороте аллеи. В тени этого дуба стояла какая-то фигура.

Сначала я не мог разобрать, кто именно там стоит; но вот фигура сдвинулась с места, выдвинулась на освещенное лунной пространство и нетерпеливо огляделась. Тут я увидел,

что это Копперторн. Он был совершенно один. Гувернантка, очевидно, еще не явилась на свидание.

Так как я хотел не только видеть, но и слышать, я начал пробираться сквозь кусты поближе к дубу. Я остановился менее чем в пятнадцати шагах от того места, где вырисовывалась высокая, костлявая фигура секретаря, залитая переменчивым лунным светом.

Он ходил взад и вперед, то выдвигаясь на освещенные луною места, то скрываясь в тень деревьев. По его манере было видно, что он заинтригован и встревожен опозданием своей соучастницы. Он кончил тем, что остановился под огромной веткой, совсем скрывшей его фигуру в своей гигантской тени; с этого места перед ним открывалась во всю свою длину усыпанная песком дорожка, на которой должна была показаться мисс Воррендер.

Я оставался неподвижно в моем убежище, мысленно поздравляя себя с тем, что мне удалось попасть в такое место, где я могу все слышать, не рискуя в то же время быть замеченным. Но вот я вдруг увидел нечто, что заставило мое сердце забиться сильно и чуть было не вызвало восклицания, которое наверное выдало бы мое присутствие.

Я уже говорил, что Копперторн находился как раз под огромным суком большого дуба. Повыше этого сука дуб был объят кромешной тьмой, но самая верхушка его сверкала, серебрясь в лунных лучах. Всматриваясь в эту верхушку, я заметил, что по ней очень быстро спускается что-то стран-

ное – трепещущее, скользящее.

Мало-помалу, когда мои глаза привыкли к свету, я разобрал, что это нечто было человеческой фигурой. А фигура эта принадлежала индусу, встреченному мной в деревне.

Он спускался по дереву вниз, охватив его руками и ногами, не производя никакого шума и скользя быстро-быстро – точно змея его родных джунглей. Прежде чем я успел опомниться, он сполз на тот самый сук, под которым стоял секретарь; его бронзовое тело четко рисовалось на диске луны, бывшей как раз позади него.

Я видел, как он размотал что-то, охватывавшее его талию, минуту помедлил, как бы рассчитывая расстояние, а затем одним скачком ринулся вниз, ломая ветки своей тяжестью. Затем раздался глухой удар, точно упали на землю два тяжелых тела, – в тихом ночном воздухе послышался характерный звук, будто кто-то полоскал себе горло, и хрип, воспоминание о котором не покинет меня никогда в жизни – до гробовой доски.

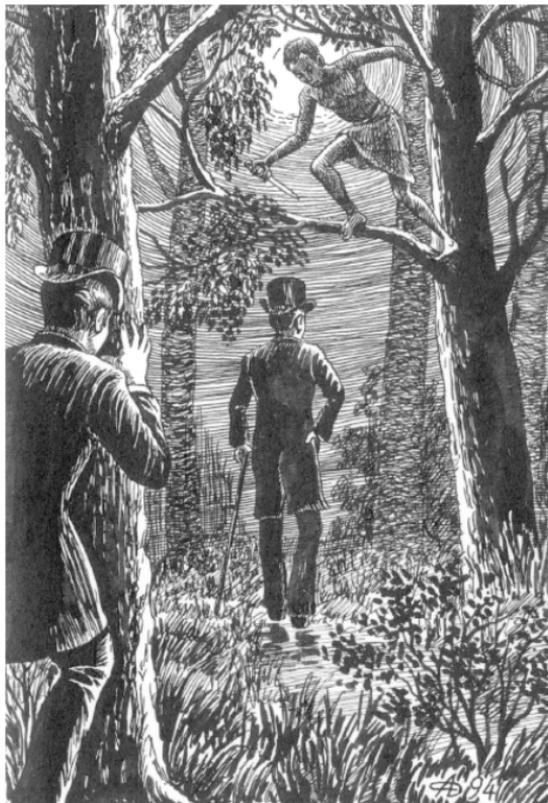
Во время, пока эта трагедия происходила, так сказать, у меня перед носом, я был настолько парализован ее внезапностью и ужасом, что решительно не мог тронуться с места. Только люди, побывавшие в аналогичных переделках, могут понимать, до какой степени парализуют ум и тело человека подобные приключения. Они не дают вам сделать ни одной из тысячи вещей, о которых вы вспоминаете потом, когда будет уже поздно, – и каких простых, само собой понятных

вещей!

Тем не менее, когда эти звуки агонии достигли моего уха, я сбросил с себя летаргию и с громким криком выскочил из своего убежища. Молодой туг моментально оставил свою жертву, ворча, точно зверь, у которого отнимают добычу, и бросился бежать с такой быстротой, что я сразу понял, что мне его не догнать.

Я бросился к секретарю и приподнял ему голову. Его лицо стало багровым и было страшно искажено. Я разорвал ворот рубашки и употребил все меры, чтобы вернуть его к жизни. Но все оказалось напрасно. «Roomal» сделал свое дело. Коперторн был мертв...

Мне немного остается добавить к моей странной истории. Она вышла, быть может, немного растянутой, но я чувствую, что мне нет надобности извиняться: я хотел изложить факты во всей их последовательности – ясно, просто, не мудрствуя лукаво; мой рассказ был бы не полон, если бы я выпустил хоть один из них.

...он сполз на тот самый сук, под которым стоял секретарь...

Впоследствии мы узнали, что мисс Воррендер уехала в Лондон с семичасовым поездом; она приехала туда, значит, задолго до того, как ее начали искать. Что же касается убийцы, которого она послала вместо себя на свидание, то об нем мы никогда больше не слышали ни слова. Его приметы были сообщены во все страны мира, но напрасно. Беглец, надо по-

лагать, проводил дни в каких-нибудь тайниках, путешествуя по ночам и питаясь бог знает чем (на что так способны люди Востока), до тех пор, пока не почувствовал себя в полной безопасности.

Джон Терстон вернулся в Дункельтвейт на следующий день. Он был страшно поражен, выслушав мой рассказ о ночном приключении. Он вполне согласился со мной насчет того, что нам лучше умолчать о проектах Копперторна и о причинах, которые задержали его так поздно в аллее в эту роковую летнюю ночь. Поэтому полиции графства не удалось вполне познакомиться с историей этой необыкновенной драмы, и она наверное никогда не добьется этого – разве только кому-нибудь из чинов ее попадет на глаза этот правдивый рассказ.

Бедный дядя Иеремия очень оплакивал потерю своего секретаря. И разразился целой тучей стихотворений, эпитафий и поэм в честь усопшего друга... Он давно уже отошел к праотцам, и я страшно доволен тем, что большая часть его имущества перешла к его законному наследнику – племяннику покойного.

Еще один пункт.

Как попал молодой туг в Дункельтвейт?

Этот вопрос так и оставался не вполне выясненным, но я лично держусь на этот счет вполне определенного взгляда: я уверен, что всякий, кто взвесит pro и contra, согласится со мной, что его появление отнюдь не было простой случайной

стью.

Последователи этой секты представляют из себя в Индии многочисленное общество; когда они решили избрать себе вождя, они, само собой, вспомнили про красавицу-дочь своего бывшего повелителя. Им не трудно было найти ее след в Калькутте, Германии, а под конец и в Дункельтвейте. Молодой туг, по всей вероятности, явился к нам возвестить ей, что она не забыта в Индии и что ее ждет там горячий прием, если она захочет приехать и объединить рассеянные части своего племени.

Иные, быть может, сочтут это объяснение немного натянутым: как бы там ни было, лично я всегда держался именно такого взгляда на причины приезда в Дункельтвейт юного защитника красавицы-гувернантки.

Глава VII

Я начал эту историю тем, что привел копию письма моего товарища; я закончу ее теперь письмом другого моего друга, доктора Халлера, человека энциклопедических познаний, особенно сведущего в нравах и обычаях Индостана.

Только благодаря его любезности я и был в состоянии перевести разные туземные слова, которые не раз слышал от мисс Воррендер и значения которых наверное не припомнил бы, если бы не его указания. В приводимом ниже письме он дает свои авторитетные комментарии насчет разных подробностей, о которых я говорил ему недавно во время одной из наших бесед.

«Мой дорогой Лауренс.

Я обещал вам написать письмо о тугизме; но эти дни я был так занят, что могу исполнить обещание только сегодня. Меня очень заинтересовало ваше приключение, и я буду рад лишний раз побеседовать о нем.

Прежде всего должен сообщить, что женщины крайне редко посвящаются в тайны тугизма; в нашем эпизоде это могло произойти с вашей героиней лишь случайно или по протекции: она, вероятно, отведала самовольно священный «гур» (так называется жертва, возносимая гурами после каждого убийства). Всякий отведавший становится активным

членом тугизма, – все равно, какого бы возраста, пола или положения в обществе он ни был.

Будучи благородного происхождения, она, вероятно, быстро прошла разные степени – «титхай», или осветительные, «люгха», или могильщика, «шемси», который держит жертву за руки, и наконец, «бюттотти», или душителя. Всем этим обязанностям ее должен был научить ее «гуру», или духовник, которым она назвала в нашем рассказе своего отца; последний, по всей вероятности, был «борка», то есть вполне полномочным тугом.

Раз достигши высшей степени, она тем самым обрекла себя на совершенно бессознательные вспышки фанатизма. «Пильхау», о котором она упоминает, есть предзнаменование, полученное слева; если оно сопровождается «Тибау» – предзнаменованием справа, то считается знаком того, что все уладится отлично.

Кстати, вы говорили, что в день убийства ваш старик-кучер видел индуса утром в кустах. Он, наверное, был занят копанием могилы для Копперторна.

Прежде чем приступать к убийству, туги имеют обычай приготовить могилу для трупа.

По моим сведениям, среди британского офицерства жертвой этого общества пал лишь один; это был поручик Монсель, задушенный в 1812 году. После его гибели полковник Слиман уничтожил большую часть членов этой секты, хотя можно быть уверенным, что она гораздо многочисленнее,

чем то утверждают официальные власти.

Да, да! Шар земной преисполнен злобы и мрака, и этот мрак будет рассеян Евангелием и только им одним.

Я охотно уполномочиваю вас опубликовать эти краткие заметки, если вы найдете, что они могут пролить кое-какой свет на ваш рассказ.

Ваш искренний друг

Б. К. Халлер».

Хирург с Гастеровских болот

Глава I

Появление неизвестной женщины в Киркби-Мальхаузе

Городок Киркби-Мальхауз угрюм и открыт всем ветрам. Болота, окружающие его, сумрачны и неприветливы. Он состоит из одной-единственной улицы; серые каменные домики, крытые шифером, разбросаны по склонам длинных торфяных холмов, заросших дроком. Вдали видны очертания гористой местности Йоркшира; округленные вершины холмов как бы играют в прятки друг с другом. Вблизи пейзаж имеет желтоватый оттенок, но по мере удаления этот оттенок переходит в оливковый цвет, за исключением разве только тех мест, где скалы нарушают однообразие этой бесплодной равнины. С небольшого холма, расположенного за церковью, можно разглядеть на западе золотые и серебряные полосы: там пески Моркэмба омываются водами Ирландского моря.

И летом 1885 года судьба занесла меня, Джемса Эппертона, в это заброшенное, уединенное местечко. Здесь не было

ничего, что могло бы заинтересовать меня, но я нашел в этих краях то, о чем давно мечтал: уединение. Мне надоела никчемная житейская суета, бесплодная борьба. С самых юных лет я был во власти бурных событий, удивительных испытаний. К тридцати девяти годам я побывал повсюду. Не было, кажется, таких стран, которые бы я не посетил, вряд ли существовали радости или беды, которые я не испытал бы. Я был в числе многочисленных европейцев, впервые проникших на далекие берега Танганьика, дважды побывал в непроходимых безлюдных джунглях, граничащих с великим плоскогорьем Рорайма. Мне приходилось сражаться под разными знаменами, я был в армии Джексона в долине Шенандоа, был в войсках Шанзи на Луаре, и может показаться странным, что после такой бурной жизни я мог удовлетвориться бесцветным прозябанием в Западном Райдинге. Но существуют обстоятельства, при которых мозг человека бывает в таком состоянии экстаза, по сравнению с которыми все опасности, все приключения кажутся обыденными и банальными.

Многие годы я посвятил изучению философий Египта, Индии, Древней Греции, Средневековья. И сейчас наконец-то из огромного хаоса этих учений передо мной стали смутно вырисовываться величественные истины. Я, кажется, был близок к тому, чтобы понять значение символов, которые люди высоких знаний применяли в своих трудах, желая скрыть драгоценные истины от злых и грубых людей. Гностики и неоплатоники, халдеи, розенкрейцеры, мистики Ин-

дии – все их учения были мне знакомы, я понимал значение и роль каждого из них. Для меня терминология Парацельса, загадки алхимиков, видения Сведенборга имели глубокий смысл и содержание. Мне удалось расшифровать загадочные надписи Эль-Бирама, я понимал значение странных писем, начертанных неизвестным народом на отвесных скалах Южного Туркестана. Поглощенный этими великими захватывающими проблемами, я ничего не требовал от жизни, за исключением скромного уголка для меня и моих книг, возможности продолжать исследования без вмешательства кого бы то ни было.

Но даже в этом уединенном местечке, окруженном торфяными болотами, я, как оказалось, не смог укрыться от наблюдений посторонних. Когда я проходил по улице городка, местные жители с любопытством глядели мне вслед, а матери прятали своих детей. По вечерам, когда мне случалось выглядывать из окна, я замечал группу глупых поселян, полных любопытства и страха. Они таращили глаза и вытягивали шеи, стараясь разглядеть меня за работой. Моя болтливая хозяйка засыпала меня тысячами вопросов по самым ничтожным поводам, применяла всякие уловки и хитрости, чтобы заставить меня рассказать о самом себе и своих планах. Все это было достаточно трудно выносить, но, когда я узнал, что вскоре уже не буду единственным жильцом в доме и что какая-то дама, к тому же иностранка, сняла соседнюю комнату, я понял, что пора подыскивать себе более спокой-

ное пристанище.

Во время прогулок я хорошо ознакомился с дикой заброшенной местностью у границ Йоркшира, Ланкашира, Уэст-морлэнда. Я нередко бродил по этим местам и знал их вдоль и поперек. Мне казалось, что мрачное величие пейзажа и устрашающая тишина и безлюдье этих скалистых мест смогут обеспечить мне надежное убежище от подглядывания и сплетен.

Случилось как-то, что, блуждая там, я набрел на одинокую, заброшенную хижину, расположенную, казалось, в самом центре этих пустынных мест. Без колебаний я решил поселиться в ней. В весеннее половодье ручей Гастер, текущий с Гастеровских болот, подмыл берег и снес часть стены этой хижины. Крыша была совершенно нетронута, и для меня не составляло особых трудов привести все в порядок. Я не был богат, но все же имел возможность осуществить свою фантазию, не скупясь на затраты. Из Киркби-Мальхауза прибыли кровельщики, каменщики, и вскоре одинокая хижина на Гастеровских болотах вновь приобрела вполне сносный вид.

В доме было две комнаты, которые я обставил совершенно по-разному. У меня были спартанские вкусы, и первая комната была обставлена именно в этом духе. Керосиновая плитка Риппенджиля из Бирмингема давала мне возможность готовить себе пищу; два больших мешка – один с мукой, другой с картофелем – делали меня независимым от поставок провизии извне. В выборе пищи я был сторонником пифа-

горейцев. Поэтому тощим длинноногим овцам, пасшимся на жесткой траве около ручья Гастер, не приходилось опасаться нового соседа. Бочонок из-под нефти в десять галлонов служил мне буфетом, а список мебели включал только квадратный стол, сосновый стул и низенькую кровать на колесиках.

Как видите, обстановка этой комнаты была совсем неприглядной, почти нищенской, но зато ее скромность с избытком возмещалась роскошью помещения, предназначенного для моих научных занятий. Я всегда придерживался той точки зрения, что для плодотворной работы ума необходима обстановка, которая гармонировала бы с его деятельностью, и что наиболее возвышенные и отвлеченные идеи требуют окружения, радующего взор и эстетические чувства. Комната, предназначенная для моих занятий, была обставлена мрачно и торжественно, что должно было гармонировать с моими мыслями. Стены и потолок я оклеил черной блестящей бумагой, на которой золотом были начертаны причудливые и мрачные узоры. Черные бархатные занавески закрывали единственное окно с граненым стеклом; толстый и мягкий бархатный ковер поглощал звуки шагов. Вдоль карниза были протянуты золотые прутья, на которых висели шесть мрачных и фантастических картин, созвучных моему настроению. С центра потолка спускалась одна-единственная золотая нить, такая тонкая, что ее едва можно было различить, но зато очень крепкая. На ней висел золотой голубь с распростертыми крыльями. Птица была полая, и в ней на-

ходила ароматическая жидкость. Фигура, изображающая сильфа, причудливо украшенная розовым хрусталем, парила над лампой и рассеивала мягкий свет. Бронзовый камин, выложенный малахитом, две тигровые шкуры на ковре, стол с инкрустациями из бронзы и два мягких кресла, отделанных плюшем янтарного цвета и слоновой костью, завершали обстановку моего рабочего кабинета, не считая длинных полок с книгами, протянувшихся под окном. Здесь были самые лучшие произведения тех, кто посвятил себя изучению тайны жизни. Бёме, Сведенборг, Дамтон, Берто, Лацци, Синнет, Гардиндж, Бриттен, Дэнлоп, Эмберли, Винвуд Рид, де Муссо, Алан Кар дек, Лепсиус, Сефер, Тольдо и аббат Дюбуа – таков далеко не полный перечень авторов, произведения которых были размещены на моих дубовых полках. Когда по ночам горела лампа и ее бледный мерцающий свет падал на мрачную и странную обстановку, создавалось именно то настроение, которое было мне необходимо. Кроме того, это настроение усиливалось завыванием ветра, который пронесся над окружающей меня унылой пустыней. Я думал, что здесь-то наконец я нашел тихую пристань в бурном потоке жизни, здесь я смогу спокойно жить и работать, забыв обо всем и позабытый всеми.

Но прежде чем я достиг этой тихой пристани, мне суждено было почувствовать, что я все же являюсь частицей рода человеческого и что нет возможности совсем порвать узы, связующие нас с себе подобными.

Я уже заканчивал сборы по переезду в мой новый дом, как вдруг однажды вечером я услышал грубый голос моей хозяйки, которая кого-то радостно приветствовала. А вскоре легкие и быстрые шаги прошелестели мимо двери моего кабинета, и я понял, что новая соседка заняла свою комнату. Итак, опасения оправдались: мои научные занятия были поставлены под угрозу из-за вторжения этой женщины. И я мысленно дал себе клятву, что вечер следующего дня я встречу на новой квартире, в тиши своего кабинета, вдали от мирских помех.

На другой день я, как обычно, встал рано и был удивлен, увидев из окна мою новую соседку, которая, опустив голову, шла узкой тропинкой со стороны болот. В руках она несла охапку диких цветов. Это была высокая девушка, в облике которой чувствовались изящество, утонченность, резко отличавшие ее от обитателей наших мест. Она быстро и легко прошла по тропинке и, войдя через калитку в дальнем конце сада, села на зеленую скамью перед моим окном. Рассыпав на коленях цветы, она принялась приводить их в порядок. Я увидел величавую, красиво посаженную головку девушки и вдруг понял, что она необыкновенно прекрасна. Ее лицо, овальное, оливкового цвета, с черными блестящими глазами и нежными губами, было скорее испанского типа, чем английского. С обеих сторон ее грациозной царственной шейки спадали из-под широкополой соломенной шляпы два тугих локона иссиня-черных волос. Правда, меня удивило, что

ее ботинки и подол юбки свидетельствовали о долгой ходьбе по болоту, а не о краткой утренней прогулке, как я вначале подумал. Легкое платье девушки было в пятнах, мокрое, на подошвах ботинок налип толстый слой желтой болотной почвы. Лицо казалось усталым, сверкающая красота юности была затуманена тенью внутренних переживаний. И вот, пока я разглядывал ее, она вдруг разразилась рыданиями и, отбросив цветы, быстро вбежала в дом.

Как я ни был рассеян, как мне ни был противен окружающий мир, меня вдруг охватил внезапный порыв сочувствия и симпатии при виде этой вспышки отчаяния, потрясшей странную прекрасную незнакомку. Я снова склонился над книгами, но мои мысли все время возвращались к гордо и четко очерченному лицу моей соседки, опущенной головке, испачканному платью и горю, которое чувствовалось в каждой черточке ее лица. Я снова и снова заставлял себя за тем, что стою у окна и высматриваю, не появится ли она опять.

Миссис Адамс, моя хозяйка, обычно приносила завтрак ко мне в комнату, и я очень редко разрешал ей прерывать течение моих мыслей или отвлекать мой ум праздной болтовней от более серьезных дел. Но в это утро она вдруг обнаружила, что я готов слушать ее рассказы, и она охотно стала говорить о нашей прелестной гостье.

– Звать ее Ева Камерон, сэр, – сказала она, – но кто она такая и откуда появилась, я знаю не больше вашего. Может быть, она приехала в Киркби-Мальхауз по той же причине,

что и вы, сэр.

– Возможно, – заметил я, не обращая внимания на замаскированный вопрос. – Только думаю, что вряд ли Киркби-Мальхауз мог бы предоставить молодой леди какие-нибудь особенные развлечения.

– Здесь бывает весело, когда начинается ярмарка, – сказала миссис Адамс. – Но, может быть, молодая леди нуждается в отдыхе и укреплении здоровья?

– Весьма вероятно, – согласился я, размешивая кофе, – и несомненно, кто-либо из ваших друзей посоветовал ей обратиться в поисках того или другого к вам и вашему уютному домику.

– Нет, сэр! – воскликнула она. – Тут-то вся и загвоздка. Леди только что прибыла из Франции; как она узнала обо мне, я просто не приложу ума. Неделю тому назад ко мне заявляется мужчина, красивый мужчина, сэр, и джентльмен – это было видно с одного взгляда. «Вы миссис Адамс? – говорит он. – Я сниму у вас помещение для мисс Камерон, она приедет через неделю», – так он сказал. И затем исчез, даже не интересуясь моими условиями. А вчера вечером приехала и сама леди – тихонькая и удрученная. У нее французский акцент. Но я заболталась, сэр! Мне нужно пойти заварить чаю, ведь она, бедняжка, наверное, почувствует себя такой одинокой, проснувшись в чужом доме.

Глава II

Я направляюсь к Гастеровскому болоту

Я еще завтракал, когда до меня донеслись грохот посуды и шум шагов моей хозяйки. Она направлялась к своей новой жилище. А спустя мгновение миссис Адамс, пробежав по коридору, ворвалась в мою комнату с вздетыми руками и испуганным взглядом.

– Господи боже мой! – кричала она. – Уж простите, что обеспокоила вас, сэр, но я так перепугалась из-за молодой леди: ее нет дома.

– Как так, – сказал я, – вон она где. – Я поднялся со стула и взглянул в окно. – Она перебирает цветы, которые оставила на скамейке.

– О, сэр, поглядите-ка на ее ботинки и платье! – с негодованием воскликнула хозяйка. – Хотелось бы мне, чтобы здесь была ее мать, очень хотелось бы. Где она пропадала, я не знаю, но кровать ее не тронула.

– Очевидно, она гуляла. Хотя время было, конечно, не совсем подходящим, – ответил я.

Миссис Адамс поджала губы и покачала головой. Но пока она стояла у окна, девушка с улыбкой взглянула вверх и веселым жестом попросила открыть окно.

– Вы приготовили мне чаю? – спросила она ясным и мягким голосом с легким французским акцентом.

– Он в вашей комнате, мисс.

Мисс Камерон собрала цветы в подол, и через мгновение мы слышали по ступенькам ее легкие шаги. Итак, эта удивительная незнакомка бродила где-то всю ночь. Что могло заставить ее покинуть свою уютную комнату и отправиться к этим мрачным холмам, открытым всем ветрам? Было ли это только следствие неугомонного нрава, любви к приключениям? А может быть, это ночное путешествие имело более веские причины?

Расхаживая взад и вперед по комнате, я думал о склоненной головке, скорбном лице и о диком взрыве рыданий, подсмотренном мною в саду. Значит, ночная прогулка, какова бы ни была ее цель, не допускала мысли о развлечении. И все же я слышал ее веселый звонкий смех и голосок, громко протестующий против материнской заботы, с которой миссис Адамс настаивала, чтобы она тут же сменила испачканное платье. Мои ученые занятия приучили меня разрешать серьезные и глубокие проблемы, а тут передо мной оказалась столь же серьезная человеческая проблема, которая в данный момент была недоступна моему пониманию.

В то утро я вышел на прогулку по болотам. На обратном пути, когда я поднялся на холм, возвышающийся над нашей местностью, я вдруг увидел среди скал мисс Камерон. Она поставила перед собою легкий мольберт с прикрепленной

бумагой и готовилась писать красками великолепный ландшафт скал и поросшей вереском местности, расстилавшейся перед нею. Наблюдая за девушкой, я увидел, что она беспокойно озирается. Рядом со мною была впадина, заполненная водой, и я, зачерпнув крышкой своей фляжки воду, подошел к девушке.

– Мне кажется, вам сейчас необходимо это, – сказал я, снимая фуражку и улыбаясь.

– Спасибо, – ответила она, заполняя водой свою баночку. – Я как раз разыскивала воду.

– Я имею честь говорить с мисс Камерон? – спросил я. – Я ваш сосед. Моя фамилия Эппертон. В этих диких краях приходится знакомиться без помощи посредников: ведь иначе мы никогда не смогли бы познакомиться.

– О, значит, вы тоже живете у миссис Адамс! – воскликнула девушка. – А я думала, что тут нет никого, кроме местных крестьян.

– Я приезжий, как и вы, – ответил я. – Веду научную работу и приехал сюда в поисках покоя и тишины.

– Да, здесь действительно тихо! – сказала она, оглядывая огромные пространства, поросшие вереском. Только одна-единственная тоненькая полоска серых домиков была видна в отдалении.

– И все же здесь недостаточно тихо, – ответил я, смеясь. – И потому мне приходится переселиться в глубь этой болотистой местности: для моей работы требуется полный покой и

уединение.

– Неужели вы построили себе жилье на этих болотах? – спросила она, вскидывая брови.

– Да, и думаю в ближайшие дни поселиться там.

– Ах, как это печально! – воскликнула она. – А где же этот дом, что вы построили?

– Вон там, – ответил я. – Видите этот ручей, который издали похож на серебряный пояс. Это ручей Гастер, текущий с Гастеровских болот.

При этих словах она вздрогнула и обратила на меня большие темные вопрошающие глаза, в которых боролись удивление, недоверие и что-то похожее на ужас.

– И вы будете жить на Гастеровских болотах?! – воскликнула она.

– Да. А вы что, знаете что-либо о Гастеровских болотах? – спросил я. – Я думал, что вы совсем чужая в этих краях.

– Это правда. Я никогда не бывала здесь, – ответила она. – Но мой брат рассказывал мне об этих Йоркширских болотах, и, если я не ошибаюсь, он называл их невероятно дикими и безлюдными.

– Вполне возможно, – сказал я беззаботно. – Это действительно тоскливое место.

– Но тогда зачем же вам жить там? – воскликнула она с волнением. – Подумайте об одиночестве, скуке, отсутствии удобств и помощи, которая вдруг может понадобиться вам.

– Помощи? Какая помощь может мне понадобиться на Га-

стеровских болотах?

Она опустила глаза и пожала плечами.

– Заболеть можно всюду, – сказала она. – Если бы я была женщиной, я не согласилась бы жить в одиночестве на Гастеровских болотах.

– Мне приходилось преодолевать гораздо большие неудобства, чем эти, – ответил я, смеясь. – Но, боюсь, ваша картина будет испорчена: кажется, начинается дождь.

Действительно, пора уже было искать укрытия, потому что не успел я закончить фразу, как пошел сильный дождь. Весело смеясь, моя спутница набросила на голову легкую шаль и, схватив мольберт, бросилась бежать с грациозной гибкостью молодой лани по заросшему дроком склону. Я следовал за нею со складным стулом и коробкой красок.

Это странное заблудшее существо, заброшенное судьбой в нашу деревушку в Западном Райдинге, в сильнейшей степени возбудило мое любопытство. И по мере того как я все больше узнавал ее, мое любопытство не только не уменьшалось, но, напротив, все увеличивалось. Здесь мы были отрезаны от окружающего мира, и поэтому не требовалось много времени, чтобы между нами возникли чувства дружбы и взаимного доверия. Мы бродили по утрам по болотам, а вечерами, стоя на утесе, глядели, как огненное солнце медленно погружается в далекие воды Моркэмба. О себе девушка говорила откровенно, ничего не скрывая. Ее мать умерла совсем молодой, юность мисс Камерон провела в бельгийском

монастыре, который она только что окончательно покинула. Ее отец и единственный брат, говорила она, составляли всю ее семью. И все же, когда разговор случайно заходил о том, что побудило ее поселиться в этой уединенной местности, она проявляла странную сдержанность и либо погружалась в безмолвие, либо переводила разговор на другие темы. В остальном она была превосходным товарищем: симпатичная, начитанная, с острым и тонким умом и широким кругозором. И все же какое-то темное облако, которое я заметил еще в первое утро, как только увидел ее, никогда не покидало девушку. Я не раз замечал, как ее смех вдруг застывал на губах, как будто какая-то тайная мысль скрывалась в ней и подавляла ее радость и юное веселье.

Но вот настал вечер перед моим отъездом из Киркби-Мальхауза. Мы сидели на зеленой скамье в саду. Темные мечтательные глаза мисс Камерон грустно глядели на мрачные болота. У меня на коленях лежала книга, но я украдкой разглядывал прелестный профиль девушки, удивляясь, как могли двадцать лет жизни оставить на ней такой грустный отпечаток.

– Вы много читали? – спросил я. – Сейчас женщины имеют эту возможность в большей степени, чем их матери. Задумывались ли вы о будущем, о прохождении курса в колледже или об ученой профессии?

Она устало улыбнулась в ответ.

– У меня нет цели, нет стремлений, – сказала она. – Мое

будущее темно, запутанно, хаотично. Моя жизнь похожа на тропинку в этих болотах. Вы видели такие тропинки, мсье Эппертон. Они ровные, прямые и четкие только в самом начале, но потом поворачивают то влево, то вправо по склонам и утесам, пока не исчезнут в трясине. В Брюсселе моя тропа была прямой, а сейчас, боже мой, кто может мне сказать, куда она ведет?

– Не нужно быть пророком, чтобы ответить на этот вопрос, мисс Камерон, – молвил я с отцовской нежностью (ведь я был вдвое старше ее). – Если бы мне было позволено предсказать ваше будущее, я сказал бы, что вам назначена участь всех женщин: дать счастье какому-нибудь мужчине.

– Я никогда не выйду замуж, – сказала она твердо, что удивило и немного рассмешило меня.

– Не выйдете замуж, но почему?

Странное выражение промелькнуло по тонким чертам ее лица, и она стала нервно рвать травинки около себя.

– Я не могу рисковать, – сказала она дрожащим от волнения голосом.

– Не можете рисковать?

– Нет, это не для меня. У меня другие дела. Та тропинка, о которой я вам говорила, должна быть пройдена мною в одиночестве.

– Но ведь это ужасно, – сказал я. – Почему ваша участь, мисс Камерон, должна быть не такой, как у моих сестер или у тысяч других молодых девушек? Возможно, в вас говорит

недоверие к мужчинам или страх перед ними. Конечно, замужество связано с некоторой долей риска, но оно приносит счастье.

– Риск пришел бы на долю того мужчины, который женился бы на мне! – воскликнула она. И вдруг в одно мгновение, как будто бы поняв, что сказала слишком много, она вскочила на ноги и закуталась в свою накидку. – Воздух становится прохладным, мсье Эппертон, – сказала она и быстро исчезла, оставив меня в размышлении над странными словами, сорвавшимися с ее уст.

Я боялся, что прибытие этой девушки может отвлечь меня от моих занятий, но я никогда не предполагал, что все мои мысли, все увлечения могут измениться за такой короткий промежуток времени. В тот вечер я допоздна бодрствовал в своей маленькой комнатке, удивляясь собственному поведению. Мисс Камерон молода, красива, влечет к себе и красотой, и странной тайной, окружающей ее. Неужели она могла бы отвлечь меня от занятий, которые заполняли мой ум? Неужели могла бы изменить направление всей моей жизни, какое я сам наметил для себя? Я не был юнцом, которого могли бы поколебать или вывести из состояния равновесия черные глазки и нежные губки женщины. Но как-никак прошло уже три дня, а мой труд лежал без движения. Ясно, мне пора уходить отсюда. Я сжал зубы и дал себе клятву, что не пройдет и дня, как я порву эти нежданные узы и удалюсь в одинокое пристанище, которое ожидало меня на болотах. На

следующее утро, как только я позавтракал, крестьянин подтащил к моей двери ручную тележку, на которой нужно было перевезти в новое жилище мои немногочисленные пожитки. Мисс Камерон не выходила из комнаты, и, хотя я внутренне боролся с ее чарами, я все же был очень огорчен, боясь, что она даст мне уйти, не сказав ни слова на прощание. Ручная тележка с грузом книг уже тронулась в путь, и я, пожав руку миссис Адамс, готовился последовать за ней, когда услышал шелест быстрых шагов по лестнице. И вот мисс Камерон уже была рядом со мной, задыхаясь от спешки.

– Так вы уходите, на самом деле уходите?! – воскликнула она.

– Меня зовут мои научные занятия.

– И вы направляетесь к Гастеровским болотам? – спросила девушка.

– Да, к тому домику, что я там построил.

– И вы будете жить там совсем один?

– Со мной будет сотня друзей – вот они там лежат в тележке.

– Ах, книги! – воскликнула она, сопровождая эти слова прелестным, грациозным пожатием плеч. – Но вы выполните мою просьбу?

– Какую? – спросил я удивленно.

– О, это такой пустяк. Вы не откажете мне, не правда ли?

– Вам стоит только сказать...

Она склонила ко мне свое прелестное личико, на котором

была написана самая напряженная серьезность.

– Вы обещаете запирать на ночь вашу дверь на засов? – сказала она и исчезла, прежде чем я успел сказать хотя бы слово в ответ на ее удивительную просьбу.

Мне даже не верилось, что я наконец-то водворился в свое уединенное жилище, которое окружали многочисленные мрачные гранитные утесы. Более безрадостной и скучной пустыни мне не приходилось видеть, но в самой этой безрадостности таилось какое-то обаяние. Что могло здесь, в этих бесплодных волнообразных холмах или в голубом молчаливом своде неба, отвлечь мои мысли от высоких дум, в которые я был углублен? Я покинул людей, ушел от них – хорошо это или плохо – по своей собственной тропинке. Я надеялся забыть печаль, разочарования, волнения и все прочие мелкие человеческие слабости. Жить для одной только науки – это самое высокое стремление, которое возможно в жизни. Но в первую же ночь, которую я провел на Гастеровских болотах, произошел странный случай, который вновь вернул мои мысли к покинутому мною миру.

Вечер был мрачный и душный, на западе собирались большие гряды синевато-багровых облаков. Ночь тянулась медленно, и воздух в маленькой хижине был спертым и гнетущим. Казалось, какая-то тяжесть лежит у меня на груди. Издалека донесся низкий стонущий раскат грома. Заснуть было невозможно. Я оделся и, стоя у дверей хижины, глядел в окружающий меня мрак, тускло подсвеченный лунным

светом. Журчание Гастеровского ручья и монотонное уханье далекой совы были единственными звуками, достигавшими моего слуха. Избрав узкую овечью тропку, проходившую возле реки, я прошел по ней с сотню ярдов и только повернул, чтобы пойти обратно, как вдруг нашедшая туча закрыла луну и стало совершенно темно. Мрак стал настолько полным, что я не мог различить ни тропинки под ногами, ни ручья, текущего правее меня, ни скал с левой стороны. Я медленно шел, пытаясь на ощупь найти путь в густом мраке, как вдруг раздался грохот грома, ярко сверкнула молния, осветив все пространство болот. Каждый кустик, каждая скала вырисовывались ясно и четко в мертвенно-бледном свете. Это продолжалось одно только мгновение, но я вдруг затрепетал от изумления и страха: на моей тропинке в каких-нибудь двадцати ярдах от меня стояла женщина. Вспышка молнии озарила каждую черточку ее лица, платья. Я увидел темные глаза, высокую грациозную фигуру. Ошибки быть не могло. Это была она – Ева Камерон, которую я, по моим предположениям, потерял навсегда. Какое-то мгновение я стоял остолбенев. Неужели это действительно была она или только плод моего воображения? Я быстро пробежал вперед в том направлении, где ее увидел. Громко закричал. Однако ответа не было. Я кричал снова и снова, однако все было бесполезно. Вторая вспышка молнии осветила местность, и луна наконец прорвалась из-за туч. Но хотя я поднялся на холм, с которого была видна вся равнина, зарос-

шая вереском, я не увидел ни признака этой странной полуночной путешественницы. А затем я вернулся в свою маленькую хижину, не уверенный, была ли это действительно мисс Камерон.

В течение трех дней, последовавших за этим полуночным происшествием, я яростно работал. С раннего утра и до поздней ночи я запирался в четырех стенах моего рабочего кабинета, и все мои мысли были погружены в книги и рукописи. Мне казалось, что наконец-то я достиг тихой пристани, оазиса в научных работах, о котором я так долго мечтал. Но увы! Моим надеждам и замыслам не было суждено осуществиться. Вскоре со мной произошел ряд странных и неожиданных событий, которые полностью нарушили монотонность моего существования.

Глава III

Серый домик в лощине

Это случилось на четвертый или пятый день после моего переселения на новое место. Я вдруг услышал шаги около дверей, и тут же последовал резкий стук в дверь, как будто от удара палкой. Взрыв адской машины вряд ли удивил бы меня в большей степени. Я был уверен, что навсегда отстранил от себя всякое вторжение посторонних, и вдруг такой бесцеремонный стук, как будто у меня здесь трактир. В гневе я отбросил книгу и отодвинул засов как раз в то мгновение, когда пришелец поднял свою палку для того, чтобы повторить свой стук. Это был высокий мускулистый человек с рыжеватой бородкой, одетый в просторный костюм из твида, может быть, и удобный, но далеко не изящный. Пока он стоял, ярко освещенный солнцем, я разглядел его лицо. Большой мясистый нос, решительные голубые глаза с густыми нависшими бровями, широкий лоб, весь изборожденный глубокими морщинами, столь несоответствующими его возрасту. Несмотря на выцветшую фетровую шляпу и цветастый платок, наброшенный на мускулистую загорелую шею, я с первого взгляда заметил, что это был интеллигентный, культурный человек. Я ожидал увидеть какого-нибудь пастуха или неотесанного бродягу, но появление этого человека, естественно, привело меня в некоторое замешательство.

– Вы удивлены? – спросил он с улыбкой. – Неужели вы полагаете, что вы единственный человек в мире, стремящийся к уединению? Как видите, в этой дикой местности кроме вас имеются еще и другие отшельники.

– Вы хотите сказать, что живете здесь? – спросил я довольно недружелюбно.

– Вон там, наверху, – ответил он, указывая направление головой. – И я подумал, раз мы с вами соседи, мистер Эппертон, мне следует заглянуть и узнать, не нужна ли вам моя помощь.

– Благодарю вас, – холодно сказал я, держа руку на засове двери. – Я человек со скромными требованиями, и вы ничем не сможете помочь мне. Вы знаете мое имя, – добавил я, помолчав, – а я...

Казалось, он был недоволен моим нелюбезным приемом.

– Я узнал ваше имя от каменщиков, которые здесь работали, – сказал он. – Что касается меня, то я Хирург с Гастеровских болот. Здесь меня знают под этим прозвищем. Оно ничуть не хуже любого имени.

– У вас здесь, наверное, не такое уж большое поле деятельности, – заметил я.

– Кроме вас, здесь нет ни души на целые мили во все стороны.

– Мне кажется, вы сами когда-то нуждались в помощи, – заметил я, глядя на большое белое пятно на загорелой щеке своего гостя, похожее на след от недавнего воздействия ка-

кой-то сильной кислоты.

– Это пустяки, – ответил он кратко, отворачиваясь, однако, чтобы скрыть этот знак. – Ну, я пойду: меня ждет мой товарищ. Так если я смогу быть вам чем-нибудь полезен, пожалуйста, сообщите мне. Нужно только пройти вдоль ручья против течения около мили, и вы легко найдете меня. Скажите, у вас есть засов на двери?

– Да, – ответил я, несколько удивленный этим вопросом.

– Тогда держите дверь на запоре, – сказал он. – Это болото – странное место. Никогда не знаешь, с кем повстречаешься. Лучше остерегаться. Прощайте.

Он приподнял шляпу, повернулся на каблуках и побрел вдоль берега ручья.

Я все еще стоял, держась за дверь и глядя вслед неожиданному посетителю, когда заметил еще одного обитателя этой дикой местности. На некотором расстоянии, около тропинки, по которой пошел незнакомец, лежал большой серый валун. Облокотись на него, стоял невысокий сморщенный человек. Он выпрямился при приближении к нему незнакомца и двинулся ему навстречу. Они поговорили одну-две минуты, высокий человек несколько раз указывал головой в мою сторону, как будто передавал о том, что произошло между нами. Затем они пошли вместе, пока не скрылись за выступом скалы. Потом я увидел, как они поднимались по следующему склону. Мой новый знакомый обхватил рукой своего старшего приятеля то ли из дружеского расположения, то

ли желая помочь ему преодолеть крутой подъем. Очертания плотной и сильной фигуры моего посетителя и его тощего сторбленного товарища были видны на фоне неба. Обернувшись, они смотрели в мою сторону. Заметив это, я захлопнул дверь, опасаясь, как бы они не вздумали вернуться. Когда я спустя несколько минут выглянул из окна, их уже не было.

До самого вечера я тщетно старался вернуть себе безразличное отношение ко всему окружающему. Что бы я ни думал, мои мысли возвращались к Хирургу и его сторбленному товарищу. Что он имел в виду, говоря о засове моей двери, и как случилось, что его зловещее предупреждение совпало с прощальными словами Евы Камерон?.. Я снова и снова размышлял о том, какие причины побудили моих новых соседей, столь различных по облику и возрасту, поселиться вместе на этих диких, суровых болотах. Может быть, подобно мне, они были погружены в какие-нибудь захватывающие научные исследования? А возможно, сообщничество в преступлении заставило их избегать людных мест? Ведь должна была быть какая-нибудь причина, и, очевидно, весьма основательная, чтобы заставить образованного человека вести такой образ жизни. Только сейчас я начал понимать, что толпы людей в городе могут в несравненно меньшей степени быть помехой, чем отдельные лица в глухой местности.

Весь день я работал над египетскими папирусами, но ни запутанные рассуждения древнего мемфисского философа, ни мистический смысл, заключенный в страницах старин-

ных книг, не могли отвлечь мой ум от земных дел. К вечеру я с отчаянием отбросил свою работу. Я был очень раздражен на этого человека за его бесцеремонное вторжение. Стоя возле ручья, который журчал за дверью моей хижины, я охлаждал на воздухе разгоряченный лоб и снова обдумывал все с самого начала. Конечно, загадочность появления двух моих соседей и заставляет меня так настойчиво думать о них. Если бы эта загадка была выяснена, они перестали бы мешать моим занятиям. Почему бы мне не отправиться к их жилищу и не посмотреть самому (так, чтобы они не подозревали о моем присутствии), что это за люди? Я не сомневался, что их образ жизни допускает самое простое и прозаическое объяснение. Во всяком случае, вечер был прекрасный, а прогулка освежила бы и тело и ум. Я закурил трубку и отправился по болотам в том направлении, в котором скрылись оба моих соседа. Солнце уже стояло низко, запад был огненно-красный, вереск залит темно-розовым светом, вся ширь неба разрисована самыми разнообразными оттенками, от бледно-зеленого в зените до ярко-темно-красного на горизонте. Палитра, на которой создатель размешивал свои первоначальные краски, должна была быть огромной. С обеих сторон гигантские остроконечные вершины Ингльборо и Пеннингента глядели вниз на сумрачное, унылое пространство, растянувшееся между ними. По мере того как я шел вперед, суровые болотистые места справа и слева образовывали резко очерченную долину, в центре которой извивался ручей.

По обеим сторонам серые скалы отмечали границы древнего ледника, морены от которого образовали почву около моего жилища. Измельченные валуны, крутые откосы и фантастически разбросанные скалы – все они несли на себе доказательства огромной силы древнего ледника и показывали места, где его холодные пальцы рвали и ломали крепкие известняки.

Почти на полпути по этой дикой лощине стояла небольшая группа искривленных и чахлах дубов. Позади них поднимался в тихий вечерний воздух тонкий темный столб дыма. Значит, здесь находится дом моих соседей. Вскоре я смог добраться до прикрытия из линии скал и достигнуть места, с которого можно было наблюдать за домом, оставаясь незамеченным. Это была небольшая крытая шифером хижина, по размерам немногим более тех валунов, которые ее окружали. Как и моя хижина, она, видимо, предназначалась для пастухов, но тут не понадобилось больших трудов со стороны новых хозяев для приведения ее в порядок и увеличения размеров жилья. Два небольших окошка, покосившаяся дверь и облезлый бочонок для дождевой воды – это было все, по чему я мог составить себе представление об обитателях этого домика. Но даже эти предметы наводили на размышления потому, что когда я подошел поближе, все еще скрываясь за скалами, то увидел, что окна были заперты толстыми железными засовами, а старая дверь обита и закреплена железом. Эти странные меры предосторожности наряду с

диким окружением и уединенностью придавали хижине какой-то жуткий вид. Засунув трубку в карман, я прополз на четвереньках через папоротник, пока не оказался в ста ярдах от дверей моих соседей. Дальше я не мог двигаться, опасаясь, что меня заметят.

Только я успел спрятаться в своем убежище, как дверь хижины распахнулась и человек, называвший себя Хирургом с Гастеровских болот, вышел из дома. В руках у него была лопата. Перед дверью расстился небольшой обработанный клочок земли, на котором росли картофель, горох и другие овощи, и он принялся за прополку, напевая что-то. Хирург был целиком погружен в свою работу, повернувшись спиной к домику, как вдруг из приоткрытой двери появилось то самое тощее создание, которое я видел утром. Теперь я заметил, что это мужчина шестидесяти лет, весь в морщинах, сторбленный и слабый, с редкими седыми волосами и длинным белым лицом. Робкими шагами он добрал до Хирурга, который не подозревал о его приближении, пока тот не подошел к нему вплотную. Его шаги, а может быть, дыхание наконец обнаружили его близость, потому что работавший резко выпрямился и повернулся к старику. Они шагнули друг другу навстречу, как бы желая приветствовать один другого, и вдруг – я даже теперь чувствую тот внезапный ужас, который тогда охватил меня, – высокий мужчина набросился на своего товарища, сбил его с ног и, схватив на руки, быстро скрылся с ним в хижине.

Хотя за свою богатую приключениями жизнь я видел многое, все же внезапность и жестокость, свидетелем которых я оказался, заставили меня содрогнуться. Возраст маленького человечка, его слабое телосложение, смиренное и униженное поведение – все вызывало чувство негодования на поступок Хирурга. Я был так возмущен, что хотел броситься к хижине, хотя не имел при себе никакого оружия. Но вскоре звук голосов изнутри показал, что жертва пришла в себя. Солнце тем временем опустилось за горизонт, все стало серо, за исключением красного отблеска на вершине Пеннингента. Пользуясь наступающим мраком, я подошел к самой хижине и напряг слух, чтобы узнать, что происходит. Я слышал высокий жалобный голос пожилого человека и низкий грубый монотонный голос Хирурга, слышал странное металлическое звяканье и лязг. Немного спустя Хирург вышел, запер за собою дверь и зашагал назад и вперед, хватаясь за голову и размахивая руками, как безумный. Затем он почти бегом пошел по долине и вскоре потерялся из виду среди скал. Когда замер звук его шагов, я вплотную подошел к хижине. Затворник все еще бормотал что-то и время от времени стонал. Разобрав слова, я понял, что он молится – пронзительно и многословно. Молитвы он бормотал быстро и страстно, как это делает человек, чувствуя неминуемую опасность. Я был охвачен невыразимым трепетом, слушая этот поток жалобных слов одинокого страдальца, слов, нарушавших ночную тишину и не предназначенных для слуха постороннего.

Я размышлял над тем, следует ли мне вмешаться в это дело, как вдруг услышал издалека шум шагов возвращающегося Хирурга. Я быстро приткнулся к оконному стеклу и взглянул внутрь. Комната была освещена мертвенно-бледным светом, исходящим, как я узнал впоследствии, от химического горна. При его ярком блеске я увидел множество реторт и пробирок, которые сверкали на столе и отбрасывали странные, причудливые тени. В дальнем конце комнаты была деревянная решетка, похожая на клетку для кур, и в ней, все еще погруженный в молитву, стоял на коленях человек, голос которого я слышал. Его лицо, озаренное светом горна, вырисовывалось из мрака, как лица на картинах Рембрандта. Каждая морщинка была видна на коже, похожей на пергамент. Я успел бросить только беглый взгляд, затем, отпрянув от окна, побежал среди скал и вереска, не замедляя шага, пока снова не оказался у себя дома. Я был расстроен и потрясен в большей степени, чем мог ожидать.

Долгие ночные часы я метался и ворочался на подушке. У меня возникло странное предположение, вызванное сложной аппаратурой, которую я видел. Могло ли быть, что этот Хирург был занят какими-то секретными ужасными опытами, которые он производил на своем товарище? Такое предположение могло объяснить уединенность жизни, которую он вел. Но как примирить это предположение с теплыми дружескими чувствами между ними, свидетелем которых я был не далее, как в это утро? Горе или безумие заставляли этого

человека рвать на себе волосы и ломать руки, когда он вышел из хижины? А очаровательная Ева Камерон, неужели и она была участницей этого темного дела? А загадочные ночные хождения, которые она совершала, не имели ли они целью встречи с моими зловещими соседями? А если так, то какие же страшные узы могли связывать всех троих? Как я ни старался, я никак не мог найти удовлетворительного ответа на все эти вопросы.

Проснулся я на рассвете измученный и слабый.

Мои сомнения, действительно ли я видел свою прежнюю соседку в ту ночь, были наконец разрешены. Идя по тропинке, ведущей к болотам, я увидел в том месте, где почва была мягкой, отпечаток ботинка, маленького, изящного женского ботинка. Этот крошечный каблук и высокий подъем могли принадлежать только моей приятельнице из Киркби-Мальхауза. Некоторое расстояние я шел по ее следу, пока он не затерялся на жесткой, каменистой почве. И все же он указывал направление к уединенной зловещей хижине. Какие силы могли гнать хрупкую девушку сквозь ветер, дождь и мрак, через страшные болота на это странное свидание?!

Но я-то, зачем я позволяю своим мыслям заниматься такими вещами? Разве я не гордился тем, что живу только своей собственной жизнью вне сферы интересов других людей? Почему же мои намерения и решения оказались поколебленными только потому, что я посчитал непонятным поведение своих соседей? Это было недостойно, это было просто ре-

бчеством. Я заставил себя не думать об этом и вернулся к прежнему спокойствию. Это было не так просто. Прошло несколько дней, в продолжение которых я не выходил из своей хижины, как вдруг новое событие опять встревожило мои мысли.

Я говорил, что ручей протекал по долине у самой моей двери. Спустя примерно неделю после описанных мною событий я сидел у окна, как вдруг заметил что-то белое, медленно плывущее по течению. Первой моей мыслью было, что это тонет овца. Схватив палку, я побежал на берег и выловил этот предмет. Он оказался большим куском полотна, разорванным в клочья. Но что придавало ему особо зловещее значение, так это то обстоятельство, что по кромкам он был забрызган и испачкан кровью. В тех местах, которые пропитались водой, были заметны только следы крови; в других местах пятна были четкие и совершенно недавнего происхождения. Я содрогнулся, увидев это. Полотно могло быть принесено потоком только со стороны хижины в лощине. Какие ужасные и преступные события оставили этот страшный след? Я тешил себя мыслью, что дела человеческие не имеют для меня никакого значения, и все же все мое существо было охвачено тревогой, желанием узнать, что случилось. Мог ли я оставаться в стороне, когда такие дела совершаются всего в какой-нибудь миле от меня? Я чувствовал, что во мне все еще живет прежний человек и что я обязан разгадать эту тайну. Закрыв за собою дверь хижины, я отправился в ло-

щину по направлению к домику Хирурга. Но мне не понадобилось далеко идти: я заметил его самого. Он быстро шел по склону холма, бил палкой кусты дрока и рычал как сумасшедший. При виде этого мои сомнения в нормальности его рассудка значительно окрепли. Когда он приблизился, я заметил, что его левая рука была на перевязи. Увидев меня, он в нерешительности остановился, как будто не зная, подойти ко мне или нет. Но у меня не было ни малейшего желания говорить с ним, и поэтому я поспешил дальше, а он продолжал свой путь, все еще крича и нанося удары палкой вокруг себя. Когда он скрылся в вереске, я снова пошел к его хижине, решив найти какое-нибудь объяснение случившемуся. Достигнув жилища Хирурга, я с удивлением заметил, что обитая железом дверь раскрыта настежь. Почва около самой двери носила следы борьбы, химическая аппаратура и горн были разбиты и разбросаны. Но самое подозрительное было то, что мрачная деревянная клетка была испачкана кровью, а ее несчастный обитатель исчез. У меня упало сердце: я был убежден, что никогда не увижу его больше на этом свете. По долине было разбросано несколько пирамид, сложенных из серого камня. И я почему-то невольно подумал, что под какой-то из этих пирамид скрываются следы последнего акта, завершившего эту длинную трагедию.

В хижине не было ничего, что могло бы пролить свет на личность моих соседей. Комната была заполнена химикалиями и различной аппаратурой. В одном углу был небольшой

книжный шкаф с ценными научными трудами, в другом – груда геологических образцов, собранных на известняках. Мой взор быстро охватил все эти подробности, но мне было не до тщательного осмотра: я боялся, что хозяин дома может вернуться и застать меня здесь. Покинув хижину, я поспешил домой. Тяжесть лежала у меня на сердце. Над уединенным ущельем нависла жуткая тень нераскрытого преступления, делавшая мрачные болота еще более мрачными, а дикую местность еще более тоскливой и страшной. Я подумал, не сообщить ли о том, что я видел, в полицию Ланкастера, но меня пугала перспектива сделаться свидетелем в «громком деле», страшили докучливые репортеры, которые будут влезать в мою жизнь. Разве для этого я удалился от всего человечества и поселился в этих диких краях? Мысль о гласности была мне невыносима. Может быть, лучше подождать, понаблюдать, не предпринимая решительных шагов, пока не приду к более определенному заключению о том, что я видел и слышал.

На обратном пути я не встретил Хирурга, но, когда вошел в свою хижину, был поражен и возмущен, увидев, что кто-то побывал здесь за время моего отсутствия. Из-под кровати были выдвинуты ящики, стулья отодвинуты от стены. Даже мой рабочий кабинет не избежал грубого вторжения, потому что на ковре были ясно видны отпечатки тяжелых ботинок. Я не отличался выдержкой даже в лучшие времена, а это вторжение и копание в моих вещах привели меня в бе-

шенство. Посылая проклятья, я схватил с гвоздя свою старую кавалерийскую саблю и провел пальцем по лезвию. Там посредине была большая зазубрина, в том месте, где сабля ударила по ключице баварского артиллериста в те дни, когда мы отбивали атаки фон-дер-Танна под Орлеаном. Сабля была еще достаточно остра и могла сослужить мне службу. Я положил ее у изголовья постели так, чтобы можно было легко ее достать. Я был готов дать достойный отпор незваному гостю, как только он появится.

Глава IV

О человеке, пришедшем в ночи

Настала бурная грозовая ночь, луна была затемнена клочьями облаков, ветер дул меланхоличными порывами, рыдая и вздыхая над болотами и заставляя стонать кустарники. Но временам брызги дождя ударяли по оконному стеклу. Я почти до полуночи просматривал статью Иамбликуса, александрийского ученого, о бессмертии. Император Юлиан сказал как-то об Иамбликусе, что он был последователем Платона по времени, но не по гениальности. Наконец, захлопнув книгу, я открыл дверь и бросил последний взгляд на мрачные болота и еще более мрачное небо. И в это мгновение между облаками ярко блеснула луна и я увидел человека, называвшего себя Хирургом с Гастеровских болот. Он сидел на корточках на склоне холма среди вереска менее чем в двухстах ярдах от моей двери, неподвижный как изваяние. Пристальный взгляд Хирурга был устремлен на мою дверь.

При виде этого стража меня пронизал трепет ужаса: мрачный, загадочный облик его создавал вокруг этого человека какие-то странные чары; время и место его появления, казалось, предвещали что-то страшное. Но возмущение, охватившее меня, вернуло мне самообладание, и я, сбросив с себя чувство растерянности, направился в сторону пришельца. Увидев меня, Хирург поднялся, повернулся ко мне. Луна

освещала его серьезное, заросшее бородой лицо и сверкающие глаза.

– Что это значит? – воскликнул я, подходя к нему. – Как вы смеете следить за мной?

Я увидел, как вспышка гнева озарила его лицо.

– Жизнь в деревне заставила вас позабыть приличия, – сказал он, – по болоту разрешается ходить всем.

– А в мой дом, по-вашему, тоже можно всем заходить?! – воскликнул я. – Вы имели наглость обыскать его сегодня вечером в мое отсутствие.

Он вздрогнул, и на лице его появилось крайнее волнение.

– Клянусь вам, что я тут ни при чем! – воскликнул он. – Я никогда в жизни не переступал порога вашего дома. О, сэр, поверьте мне, вам грозит опасность, вам следует остерегаться.

– Ну вас к черту, – сказал я. – Я видел, как вы ударили старика, думая, что вас никто не заметит. Я был около вашей хижины и знаю все. Если только в Англии существуют законы, вас повесят за ваше преступление. А что касается меня, то я старый солдат, я вооружен и запираю дверь не буду. Но если вы или какой-нибудь другой негодяй попробует перешагнуть мой порог, вы поплатитесь своей шкурой.

С этими словами я повернулся и направился в свою хижину. Когда я оглянулся, он еще глядел мне вслед – мрачная фигура с низко опущенной головой. Я беспокойно спал всю эту ночь, но больше ничего не слышал о загадочном страже;

его не было и утром, когда я выглянул из-за двери.

В течение двух дней ветер свежел и усиливался, налетали шквалы дождя. Наконец на третью ночь разразилась самая яростная буря, какую я когда-либо наблюдал в Англии. Гром ревел и грохотал над головой, непрерывное сверканье молний озаряло небо. Ветер дул порывами, то уносясь с рыданием вдаль, то вдруг грохоча и воя у моего окна и заставляя дребезжать стекла в рамах. Я чувствовал, что уснуть не смогу. Не мог и читать. Я наполовину приглушил свет лампы и, откинувшись на спинку стула, предался мечтам. Но всей вероятности, я потерял всякое представление о времени, потому что не помню, как долго сидел так, на грани между размышлениями и дремотой. Наконец около трех или, может быть, четырех часов я, вздрогнув, пришел в себя – не только пришел в себя: все чувства, все нервы мои были напряжены. Оглядевшись в тусклом свете, я не обнаружил ничего, что могло бы оправдать мой внезапный трепет. Знакомая комната, окно, затуманенное дождем, и крепкая деревянная дверь – все было по-прежнему. Я стал убеждать себя, что какие-нибудь бесформенные грезы вызвали эту неприятную дрожь, как вдруг в одно мгновение понял, в чем дело. Это был звук шагов человека около моей хижины. В паузах между ударами грома, в шуме дождя и ветра я мог различить тихие, крадущиеся шаги. Я сидел затаив дыхание, вслушиваясь в эти жуткие звуки. Шаги остановились у самой моей двери. Теперь я слышал затрудненное дыхание и одышку, как

будто этот человек шел издалека и очень торопился. Сейчас одна только дверь отделяла меня от ночного бродяги, который с трудом переводил дыхание. Я не трус, но ночная буря и смутные предостережения, которые мне делали, а также близость этого странного посетителя в такой степени лишили меня присутствия духа, что я не мог вымолвить ни слова. И все же я протянул руку и схватил свою саблю, устремив пристальный взгляд на дверь. Я от всего сердца хотел одного: чтобы все скорее кончилось. Любая явная опасность была лучше этого страшного безмолвия, нарушаемого только тяжелым дыханием.

В мерцающем свете угасающей лампы я увидел, что щеколда моей двери пришла в движение, как будто на нее производилось легкое давление снаружи. Она медленно поднялась, пока не освободилась от скобы, затем последовала пауза примерно на десять секунд, в продолжение которых я сидел с широко раскрытыми глазами и обнаженной саблей. Потом очень медленно дверь стала поворачиваться на петлях, и свежий ночной воздух со свистом проник через щель. Кто-то действовал очень осторожно: ржавые петли не издали ни звука. Когда дверь приоткрылась, я разглядел на пороге темную призрачную фигуру и бледное лицо, обращенное ко мне. Лицо было человеческое, но в глазах не было ничего похожего на человеческий взгляд. Они, казалось, горели в темноте зеленоватым блеском. Вскочив со стула, я поднял было обнаженную саблю, как вдруг какая-то вторая фигура с ди-

ким криком бросилась к двери. При виде ее мой призрачный посетитель испустил пронзительный вопль и побежал через болота, визжа, как побитая собака.

Дрожа от недавнего страха, я стоял в дверях, вглядываясь в ночную мглу. В моих ушах все еще звенели резкие крики беглецов. В этот момент яркая вспышка молнии осветила как днем всю местность. При этом свете я разглядел далеко на склоне холма две неясные фигуры, бегущие друг за другом с невероятной быстротой по заросшей вереском местности. Даже на таком расстоянии различие между ними не давало возможности ошибиться: первый был маленький человечек, которого я считал мертвым, второй – мой сосед, Хирург. Короткое мгновение я видел их четко и ясно в неземном свете молнии, затем тьма сомкнулась над ними и они исчезли.

Когда я повернулся, чтобы войти в свое жилище, моя нога наступила на что-то лежащее на пороге. Наклонившись, я поднял этот предмет. Это был прямой нож, сделанный целиком из свинца и такой мягкий и хрупкий, что казалось странным, что его могли применить в качестве оружия. Чтобы сделать его более безопасным, конец ножа был срезан. Острие, однако, было все же старательно отточено на камне, что было видно по царапинам, и, следовательно, оно все же было опасным оружием в руках решительного человека. Нож, очевидно, выпал из рук старика в момент, когда неожиданное появление Хирурга обратило его в бегство. Не могло быть ни

малейшего сомнения в цели появления моего ночного посетителя.

«Но что же произошло?» – спросите вы. В моей бродячей жизни я не раз встречался с такими же странными, удивительными происшествиями, как описанные мною события. Они также нуждались в исчерпывающих объяснениях. Жизнь – великий творец удивительных историй, но она, как правило, заканчивает их, не считаясь ни с какими законами художественного вымысла.

Сейчас, когда я это пишу, передо мною лежит письмо, которое я могу привести без всяких пояснений. Оно сделает понятным все, что могло показаться таинственным.

«Лечебница для душевнобольных в Киркби

4 сентября 1885 года

Сэр! Я понимаю, что обязан принести вам свои извинения и объяснить весьма необычные и, с вашей точки зрения, даже загадочные события, которые недавно имели место и вторглись в нашу уединенную жизнь. Я должен был бы прийти к вам в то утро, когда мне удалось разыскать своего отца. Но, зная ваше нерасположение к посетителям, а также – надеюсь, что вы мне простите это выражение – зная ваш весьма вспыльчивый характер, я решил, что лучше обратиться к вам с этим письмом. Во время нашего последнего разговора мне следовало сказать вам то, что я говорю сейчас. Но ваш намек на какое-то преступление, в котором вы считали ви-

новным меня, а также ваш неожиданный уход не позволили мне сделать это.

Мой бедный отец был трудолюбивым практикующим врачом в Бирмингеме, где до сих пор помнят и уважают его. Десять лет тому назад у него начали проявляться признаки душевного расстройства, которые мы приписывали переутомлению и солнечному удару. Чувствуя себя некомпетентным в этом деле, имеющем столь большое значение, я сразу обратился к весьма авторитетным лицам в Бирмингеме и Лондоне. В числе прочих мы консультировались с выдающимся психиатром мистером Фрейзром Брауном, который дал заключение о заболевании моего отца. Его болезнь по своей природе спорадична, но опасна во время пароксизмов. «Она может привести к одержимости манией убийства или религиозной мании, – сказал он, – а может быть, одновременно к тому и другому. Месяцами он может быть совершенно здоровым, как мы все, и внезапно его болезнь может проявиться. Вы возьмете на себя большую ответственность, – добавил психиатр, – если оставите его без присмотра».

Последующие события показали справедливость этого диагноза. Болезнь отца быстро приняла характер соединения мании убийства и религиозной мании. Приступы наступали неожиданно вслед за месяцами здоровья. Было бы излишним утомлять вас описанием ужасных переживаний, которые пришлось испытать нашей семье. Достаточно сказать, что мы благодарим Бога, что смогли удержать его руки от

убийства. Свою сестру Еву я послал в Брюссель и посвятил себя всецело отцу. Он невероятно боялся домов для умалишенных и в периоды нормального состояния так жалобно умолял не помещать его туда, что у меня не хватало духа не послушать его. Наконец его приступы стали столь острыми и опасными, что я решил ради безопасности окружающих увезти его из города в уединенное место. Таким местом оказались Гастеровские болота, и здесь мы оба и поселились.

Я обладаю средствами для безбедного существования и увлекаюсь химией. Вот почему я мог проводить время с достаточным комфортом и пользой. А он, бедняга, в здравом уме был послушен как дитя; лучшего и более сердечного сотоварища нельзя и пожелать. Мы вместе с ним соорудили деревянную перегородку, куда он мог удаляться, когда на него находил приступ, и я устроил окно и дверь таким образом, чтобы держать его в доме при приближении безумия. Вспоминая прошлое, могу честно сказать, что я не упустил ни одной предосторожности; даже необходимые кухонные принадлежности были сделаны из свинца и затуплены на концах, чтобы помешать ему причинить вред в период безумия.

Спустя несколько месяцев после нашего переселения ему, казалось, стало лучше. Было ли это результатом целительного воздуха или отсутствия каких-либо внешних побудительных мотивов, но за все время он ни разу не проявлял признаков своего ужасного расстройства. Ваше прибытие впервые нарушило его душевное равновесие. Один только взгляд на

вас даже издали пробудил в нем все болезненные порывы, которые пребывали в скрытом состоянии. В тот же вечер он крадучись подошел ко мне с камнем в руке и убил бы меня, если бы я не опрокинул его на землю и не запер в клетку, чтобы он смог прийти в себя. Этот внезапный рецидив, конечно, погрузил меня в глубокое отчаяние. Два дня я делал все возможное, чтобы успокоить его. На третий день он, казалось, стал спокойнее, но, увы, это была только хитрость безумца. Ему удалось вынуть два прутка клетки, и, когда, позабыв об осторожности, я был погружен в химические исследования, он неожиданно набросился на меня с ножом в руке. В борьбе он порезал мне предплечье и скрылся из хижины прежде, чем я опомнился и смог определить, в каком направлении он бежал. Моя рана была пустяковая, и несколько дней я блуждал по болотам, продираясь сквозь кустарники, в бесплодных поисках. Я был уверен, что он сделает покушение на вашу жизнь, и это убеждение усилилось, когда вы сказали, что кто-то в ваше отсутствие заходил к вам в хижину. Поэтому я и наблюдал за вами в ту ночь. Мертвая, страшно изрезанная овца, которую я нашел на болотах, доказала мне, что у отца есть запас продовольствия и что его мания убийства еще не прошла. Наконец, как я и ожидал, он совершил на вас покушение, которое, если бы я не вмешался, закончилось смертью одного из вас. Он пытался скрыться, боролся, как дикий зверь, но я был в таком же возбужденном состоянии, что и он. Мне удалось сбить его с ног и увести в хижину. Послед-

ние события убедили меня, что все надежды на его полное выздоровление тщетны, и я на следующее утро доставил его в эту больницу. Сейчас он начинает приходить в себя.

Разрешите мне, сэр, еще раз выразить свое сожаление по поводу того, что вы подверглись такому испытанию, и заверить вас в моем совершенном почтении.

Джон Лайт Камерон.

P. S. Моя сестра Ева просит передать вам сердечный привет. Она рассказала мне, как вы познакомились с ней в Киркби-Мальхаузе, а также, что вы увидели ее вечером на болоте. Из этого письма вы поймете, что, когда моя любимая сестра вернулась из Брюсселя, я не решился привести ее домой, а поселил в безопасном месте в деревне. Даже тогда я не осмелился показать ей отца, и только однажды ночью, когда он спал, мы организовали нашу встречу».

Вот и вся история об этих удивительных людях, чья жизненная тропа пересекла мой путь. С этой ужасной ночи я ни разу не слышал о них и не видел их, за исключением одного-единственного письма, которое я здесь переписал. Я все еще живу на Гастеровских болотах, и мой ум все еще погружен в загадки прошлого. Но, когда я брожу по болоту и когда вижу покинутую маленькую серую хижину среди скал, мой ум все еще обращается к странной драме и двум удивительным людям, нарушившим мое уединение.

Рассказы

Кожаная воронка

Мой приятель Лионель Дакр жил в Париже на авеню Ваграм, в том небольшом доме с чугунной оградой и зеленой лужайкой спереди, что стоит по левую сторону улицы, если идти от Триумфальной арки. По-моему, он стоял там задолго до того, как была проложена авеню Ваграм, поскольку его серые черепицы поросли лишайником, а стены выцвели от старости и покрылись плесенью. Со стороны улицы дом кажется небольшим – пять окон по фасаду, если мне не изменяет память, – но он продолговат, и при этом всю его заднюю часть занимает одна большая вытянутая комната. Здесь, в этой комнате, Дакр поместил свою замечательную библиотеку оккультной литературы и коллекцию диковинных старинных вещей, которую он собирал ради собственного удовольствия и ради развлечения своих друзей. Богач, человек утонченных и эксцентричных вкусов, он потратил значительную часть своей жизни и своего состояния на создание совершенно уникального частного собрания талмудических, кабалистических и магических сочинений, по большей части

редчайших и бесценных. Особенно привлекало его все непостижимое и чудовищное, и, как я слышал, его эксперименты в области неведомого переходили все границы благопристойности и приличия. Другьям-англичанам он никогда не рассказывал об этих своих увлечениях, придерживаясь тона ученого и коллекционера-знатока, но один француз, чьи вкусы имели сходную направленность, уверял меня, что в этой просторной и высокой комнате, среди книг его библиотеки и диковинок музея, отправлялись самые непотребные обряды черной мессы.

Внешность Дакра с достаточной наглядностью свидетельствовала о том, что к этим тайнам психики он питал не духовный, а сугубо интеллектуальный интерес. В его полном лице не было ни намека на аскетичность, зато огромный купол его черепа, который круто вздымался над оборкой редяющих локонов, как снежная вершина над кромкой елового леса, говорил о мощном интеллекте. Познания явно преобладали у него над мудростью, а сила способностей – над силой характера. Его маленькие, глубоко посаженные глазки, живые и блестящие, искрились умом и жадным любопытством к жизни, но это были глаза сластолюбца и самовлюбленного индивидуалиста. Впрочем, хватит о нем: бедняги уже нет в живых – он умер в тот блаженный момент, когда окончательно уверовал в то, что наконец открыл эликсир жизни. Речь у нас пойдет не о его сложной натуре, а об одном чрезвычайно странном и необъяснимом случае, кото-

рый произошел, когда я гостил у него ранней весной 1882 года.

Познакомился я с Дакром в Англии, когда занимался исследованиями в ассирийском зале Британского музея, где тогда же работал и он, пытаясь разгадать тайный мистический смысл древних вавилонских письмен. Общность интересов сблизила нас. От обмена случайными фразами мы перешли к ежедневным беседам, и между нами завязалось некое подобие дружбы. Я пообещал навеститься к нему в следующий свой приезд в Париж. В тот раз, когда я, выполняя обещание, навестил его, я жил за городом, в Фонтенбло, а так как вечерние поезда отходили в неудобное время, он предложил мне остаться у него на ночь.

– У меня только одно свободное ложе, – сказал он, указывая на широкий диван в просторной комнате, служившей библиотекой и музеем, – надеюсь, вам здесь будет удобно.

Это была необычайная спальня, с высокими стенами из коричневых фолиантов, но для книжного червя вроде меня нет ничего милей такой мебели, как нет для моих ноздрей аромата приятней едва уловимого тонкого запаха, исходящего от старинной книги. Я заверил его, что не мог бы и пожелать себе более восхитительной спальни и более подходящего антуража.

– Если эту обстановку не назовешь ни удобной, ни обычной, то уж, во всяком случае, она дорогая, – проговорил он, окидывая взглядом полки. – На все то, что окружает вас

здесь, я потратил, наверное, четверть миллиона. Книги, оружие, геммы, резные украшения, гобелены, статуэтки – чуть ли не каждая вещь тут имеет свою историю и, как правило, достаточно интересную, чтобы ее рассказать.

Мы разговаривали, сидя у горящего камина, он – по одну сторону, я – по другую. Справа от него стоял стол для чтения, в кружке яркого золотистого света от висящей над ним сильной лампы. На столе лежал наполовину развернутый палимпсест, возле которого валялось много причудливых антикварных вещей. Среди них была большая воронка, какими пользуются для заполнения винных бочек. Судя по ее виду, она была сделана из черного дерева и окаймлена ободками из потускневшей меди.

– Вот любопытная вещь, – заметил я. – Какова ее история?

– А! – воскликнул он. – У меня было основание задать себе этот же вопрос. Я бы много отдал, чтобы знать точный ответ. Возьмите-ка ее в руки и осмотрите как следует.

Повертев ее в руках, я обнаружил, что на самом деле она вовсе не из дерева, как мне показалось, а из кожи, только ссохшейся и затвердевшей от времени. Это была большая воронка, вмещавшая, вероятно, целую квартиру. Медный ободок окаймлял ее широкий конец, но горлышко тоже имело металлический наконечник.

– Ну, что вы о ней скажете? – спросил Дакр.

– По-моему, эта штука принадлежала какому-нибудь средневековому виноторговцу или солодовнику, – предполо-

жил я. – В Англии я видел высокие пивные кружки из просмоленной кожи, такие же черные и твердые, как эта воронка. Ими пользовались в семнадцатом веке.

– Пожалуй, она относится примерно к тому же времени, – сказал Дакр, – и ею, несомненно пользовались для вливания жидкости в сосуд. Однако, если мои подозрения верны, пользовался ею престранный виноторговец и заполнял он престранный сосуд. Не замечаете вы ничего необычного у горлышка воронки?

Поднеся ее к свету, я обратил внимание на то, что дюймах в пяти над медным наконечником узкое горлышко кожаной воронки как бы исцарапано и зазубрено, как если бы кто-то кромсал его тупым ножом. Только в этом месте гладкая черная поверхность имела шероховатый, неровный вид.

– Кто-то пытался отрезать горлышко.

– Разве это похоже на надрез?

– Кожа порвана и измочалена. Нужна была немалая сила, чтобы оставить следы на таком твердом материале, каким бы инструментом при этом ни пользовались. Но что вы-то об этом думаете? Я же вижу, что вы знаете больше, чем говорите.

Дакр улыбался, и его глазки знающе поблескивали.

– Входит ли в круг ваших ученых занятий психология сновидений? – спросил он.

– Я даже не подозревал о такой психологии.

– Друг мой, вон та полка над шкафом с геммами сплошь

заполнена томами и томами, написанными исключительно на эту тему, начиная от сочинений Альберта Великого и далее. Это же целая наука.

– Наука шарлатанов.

– Шарлатан всегда первопроходец. Из астролога вышел астроном, из алхимика – химик, из гипнотизера – психолог-экспериментатор. Вчерашний знахарь – это завтрашний профессор. Даже такая тонкая и неуловимая субстанция, как сны, со временем будет систематизирована и упорядочена. И когда это время придет, изыскания наших друзей там, на полке, превратятся из забавы мистики в основы науки.

– Предположим, что так оно и будет, но какое отношение к науке о сновидениях имеет большая черная воронка с медным ободком?

– Сейчас скажу. Как вам известно, у меня есть агент, который постоянно охотится за редкими и антикварными вещами для моей коллекции. Несколько дней тому назад он прослышал, что антиквар, торгующий на одной из набережных, приобрел кое-какой старый хлам, найденный в чулане дома старинной постройки на задворках улицы Матюрен в Латинском квартале. Столовая в этом старинном доме украшена гербом в виде щита с шевронами и красными полосами на серебряном поле; как выяснилось, это был герб Никола де ла Рейни – вельможи, который занимал высокую государственную должность в правление короля Людовика XIV. Другие предметы, обнаруженные в чулане, относятся, как было с

несомненностью установлено, к раннему периоду правления этого короля. Отсюда вывод: все эти вещи принадлежали упомянутому Никола де ла Рейни, в обязанности которого, насколько я понимаю, входило обеспечить соблюдение драконовских законов той эпохи и следить за их исполнением.

– И что из этого следует?

– Возьмите воронку в руки еще раз и внимательно рассмотрите верхний медный ободок. Не различаете ли вы на нем какой-нибудь надписи?

На медной поверхности и впрямь виднелись какие-то черточки, почти стертые временем. Общее впечатление было такое, что это несколько букв, из которых последняя несколько напоминала большую букву Б.

– Вам не кажется, что это Б?

– Да.

– Мне тоже. Больше того, я нисколько в этом не сомневаюсь.

– Но ведь у вельможи, о котором вы рассказывали, стоял бы другой инициал – Р.

– Вот именно! В этом-то вся прелесть. Он был владельцем этой занятой вещицы, но притом пометил ее чужими инициалами. Почему?

– Понятия не имею. А вы?

– Может быть, догадываюсь. Вы не замечаете, подальше на ободке как будто что-то изображено?

– Похоже, корона.

– Корона, вне всякого сомнения: однако, если вы приглядитесь при хорошем освещении, вы увидите, что это не совсем обычная корона. Это геральдическая корона – эмблема титула, а так как составляют ее четыре жемчужины, чередующиеся с земляничными листьями, это, безусловно, эмблема маркиза. Значит, человек, чьи инициалы заканчиваются на букву Б, имел право носить такую корону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.